

Вальс до востребования

Автор:

Татьяна Алюшина

Вальс до востребования

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

Легко ли поменять свою жизнь? Нет, не переехать в другую страну, в другой город, в другую квартиру, не найти новую работу или заменить новым мужем-женой близкого человека, и не прическу другую забахать, и не тачку новую купить. А переменить глобально, осознанно сделав свой выбор, когда все прежнее – под откос, безвозвратно. Когда становишься другим, совсем другим человеком – иной личностью, с иной духовной и жизненной наполненностью, иными базовыми ценностями, иными устремлениями.

Вот так, наотмашь, поменять все в жизни, ни секунды не жалея о своем выборе. Такое под силу лишь очень редким и очень сильным людям. Таким, как Ян Стаховский, переживший страшную трагедию и вышедший из нее победителем, человеком, изменившим свою жизнь и свою личность.

И казалось бы, все оставил в прошлом, но одна случайная встреча с женщиной с удивительным именем Марианна, словно возникшей из этого прошлого, снова меняет жизнь Яна, наполняя ее новыми, невероятными чувствами и красками.

Татьяна Алюшина

Вальс до востребования

* * *

Свечение заполнило собой все вокруг и было столь интенсивным, столь ослепительно ярким, что, казалось, поглотило, растворило в своем сиянии пространство, время, запахи, звуки, саму материальность как таковую, оставив Яну лишь способность ясно, четко мыслить и испытывать-переживать в разы усилившиеся, мощные эмоции и чувства.

Это чудесное, нереальное сияние не слепило, не вызывало страха или болезненных, неприятных ощущений своей небывалой, какой-то неземной насыщенностью – нет, наоборот, от него исходило и накрывало, обволакивая, ощущение чего-то бесконечно теплого, успокаивающего, искристо-радостного, сродни переполняющему чувству восторженного абсолютного счастья, которое своим еще незамутненным сознанием могут испытывать только дети. И что-то еще, что-то еще... давно позабытое, утраченное, но такое родное, такое потрясающе правильное, истинное изливалось на него от этого удивительного свечения.

Вдруг в самом центре светового потока, словно из какого-то дрожащего зыбкого марева, стали проявляться неясные очертания некой смутной фигуры, будто от чего-то огромного, непостижимого и всеобъемлющего отделилась малая толика, обозначившись чуть более плотным, размытым контуром. Фигура не стояла на месте, а плавно приближалась, и чем ближе придвигалась она к Яну, тем отчетливей проявлялись детали ее облика, и он смог рассмотреть, что это зрелый, благообразный, скорее даже величественный мужчина в свободном светлом одеянии до пят с длинными рукавами.

Но, даже оказавшись рядом, он все так же оставался словно в тени – нечеткая, чуть подрагивающая контурами в мареве сияния фигура и неуловимые, размытые черты лица. И лишь удивительные пронзительно-голубые, глубокие, непостижимо мудрые глаза и столь же мудрая, немного печальная улыбка мужчины были видны настолько четко и ясно, что, казалось, этот взгляд и эта улыбка проникают в само сознание...

– Не меняют жизнь наполовину, Ян, – раздался у него в голове тихий, наполненный легкой иронией, светлым сопереживанием и великой мудростью голос. – Ты же не лечишь половину болезни или полраны только потому, что всю сразу исцелять страшно.

– У меня нет страха, – возразил Ян.

– Да, – согласился наставник, улыбаясь бесконечно доброй, понимающей и чуть ироничной улыбкой, – теперь в тебе нет страха смерти, страха боли, страха потери материального. Ты преодолел эти страхи, принял и постиг конечность всего земного и сумел подняться над болью. Осталось преодолеть страх перед жизнью.

И внезапно он приблизился, в один миг, неуловимым рывком. Заглянул в глаза – казалось, в само сознание, в память, в разум, в самую глубину истинной сущности Яна, – и все тем же нечеловечески мудрым, печально-ироничным голосом произнес:

– Жить страшней, чем не жить. Ты принял смерть, прими и жизнь. Пора, Ян. Пора начинать жить.

– Но я же живу, – напомнил Ян, поразившись нелогичности утверждения.

– Да? – усмехнулся наставник.

И все, что являлось в этот момент, в этом странном пространстве, Яном, – его личность, его разум, сознание, его сущность – вдруг затопило ярко-голубым светом, струившимся из глаз высшей сущности учителя...

– А-ах-х-х-х... – выдохнул непроизвольное восклицание, выскочив из сна, Ян, как хрипит тонущий, на пределе последних сил, вырывающийся на поверхность воды из морских пучин.

Резко, рывком сел на постели, втянул с шипением воздух, выдохнул и поделился с миром яркими впечатлениями, все еще находясь в быстро тускнеющем, понемногу отпускающем голубом свечении:

– Охренеть!

Покрутил головой, стараясь отделаться от странного сновидения, передернул плечами, с силой потер ладонями лицо, прогоняя остатки морока, прижал пальцами веки и повторил, подрастеряв первичную экспрессию:

– Охренеть.

Приснится же такое! Впрочем...

Он не столько удивлялся яркому, мощному по ощущениям, необычному сну, сколько поразился тому, с чего бы ему вообще привиделось и приснилось нечто подобное? Да еще настолько явственно, с невероятно четким ощущением полного присутствия и погружения в ту сновидческую реальность. Нет, бывали у него, конечно, разные сны, как и у каждого человека, но таких вот видений он как-то не наблюдал и не переживал ранее, если не считать...

Но то самое мы как раз считать не будем. Это история отдельная.

Хрен его знает, что такое, может, к перемене погоды? Сделав это успокаивающе-простое предположение, Ян посмотрел в окно. За окном, ничем не удивив и не порадовав, наблюдался все тот же тоскливый, безрадостный пейзаж поздней осени, навевающий ассоциации о бесприютной, стылой жизни, о холодеющих пальцах и насморочном ознобе, о собаках, которых добрый хозяин в эту промозглость ни в жизнь не выгонит на улицу.

Депрессивное межсезонье, которое, как говорится, ни два ни полтора: яркая осень отшумела, отблестав рыжей гривой, малиновыми губами, багряными нарядами в рябиновых бусах, а дивная зима со снегами и морозами подзадержалась. Время, в которое русскому человеку по чести пристало бы сидеть у камина или печки и предаваться философским размышлениям о смысле жизни и бытия, в частности бытия российского народа, его вкладе в историю человечества и истинном пути развития, и о том, каково это – телепаться-то народу по тому самому пути, когда такая вот погода превалирует во всей его жизни.

– М-м-м-да, – с тем самым философским сарказмом прокомментировал свои настроения Ян, поделившись с пространством недоумением: – Приснится же...

Ладно. Что приснилось, то приснилось, к перемене ли погоды, или еще неизвестно к чему, или вообще ни к чему – бог с ним. Он отодвинул от себя утихающие эмоции, окончательно освобождаясь от сонных переживаний.

– М-м-м, – промурлыкал заспанный голосок рядом. – Ты чего подскочил? – не очень-то нуждаясь в ответе, просто так, спросонок лентясь, спросила ночная подруга.

– Хм, – хмыкнул довольно Ян.

Откинул край одеяла, с удовольствием обозрел аппетитную, кругленькую девичью попку.

«Значит, говоришь, пора жить? – продолжил он мысленно диалог со светящимся фантомом из своего сна, оппонируя тому: – А я что, по-твоему, делаю? Живу, да по полной!»

И, в подтверждение своему заявлению, от ощущения той самой наполненности и правильности жизни с удовольствием, но легонько хлопнул по упругим ягодицам подружки.

– Ой, ты чего? – делано игриво возмутилась та.

И, повернувшись на бочок, подперев голову рукой, посмотрела со значением и явным приглашением, предоставляя его взору прекрасную грудь, гладенький животик и маленький темный треугольничек фигурно выбритых волос на лобке, «в прическе», как, посмеиваясь, называл этот парикмахерский изыск Ян.

– Пора вставать, – усмехнулся Стаховский.

С особым эстетским чувством окинул взглядом сию красоту, размышляя, не воспользоваться ли откровенным предложением-призывом дамы, но вспомнил о недоделанной срочной работе, от которой, кстати сказать, она его вчера оторвала своим внезапным появлением. Заснули они только под утро, отчего, видимо, и привиделся ему этот странный сон. И, не удержавшись от разочарованного вздоха, Ян подавил желание в зародыше, не поддавшись искушению, лишь наклонился и поцеловал коротко в капризно надутые губки

подружки, по выражению его лица уже понявшей, что утренних любовных утех не предвидится. И повторил распоряжение:

- Подъем. Позавтракай сама, а потом Михаил тебя отвезет.

- Как обычно, - вздохнула девушка, преувеличенно наигранно изображая недовольство.

- Как обычно, - подтвердил Ян.

И, ухватившись за металлический стержень турника над кроватью, «потарзанил» в сторону ванной комнаты, ловко цепляясь за перекладины, устроенные по этому маршруту, по ходу подтягиваясь по несколько раз и делая легкие упражнения на некоторых из снарядов.

Самый верный способ справиться со странным настроением, навеянным непонятым сном, еще до конца не отпустившим, - заняться привычными делами. Утренние гигиенические процедуры, два часа спорта, силовых нагрузок и тренировок, контрастный душ, завтрак и работа.

Какие сны, я вас умоляю!

Живем! Даже если у кого-то на этот счет имеется и другое мнение.

Что-то отвлекло его внимание, какой-то непонятный не то звук, не то шорох за спиной. Недовольно нахмурившись, Ян тряхнул головой, постаравшись отделаться от этого мимолетного ощущения, и вернулся к вычитке документа на экране монитора.

Но назойливая, неугомонная мыслишка, зацепившая край сознания, навязчиво напоминала о непонятном, еле уловимом шорохе, как предательски вылезший из подошвы гвоздь в ботинке терзает несчастную пятку. Понимая, что хрен он отделается от глупого беспокойства, раз обратил внимание на необъяснимую странность, раздосадованный Ян резко развернул кресло и...

И откровенно офигел, увидев маленького человечка.

Совсем маленький человек, одетый в яркий спортивный теплый комбинезон и курточку, дутые короткие сапожки и рыжую шапку с помпоном, сильно съехавшую набок под таким критическим углом, что готова была вот-вот и вовсе свалиться с головы. Сложив ладони замочком у груди, он стоял метрах в трех от Яна и молча смотрел на него тревожным, напряженным взглядом.

- Ага... - от неожиданности произнес Ян.

И только сейчас сообразил, что это всего лишь ребенок. Мальчик. Незнакомый ему ребенок мужского пола, появившийся столь тихо и неожиданно, словно в его доме случился акт некой материализации, перенесший парнишку из какой-то иной реальности. Ну, не совсем тихо, какой-то звук он все-таки произвел, раз его уловило и отметило сознание Яна, отвлекаясь от работы. Но, видимо, совсем тихий звук.

- Ты кто? - спросил он у мальчика.

- Кирилл, - представился ребенок.

- И как ты здесь оказался, Кирилл? - спросил хозяин дома у нежданного гостя.

- Бармалея ловлю, - махнув неопределенно ручонкой в сторону, ответил тот с таким видом, словно объяснил нечто совершенно очевидное и понятное всем и каждому.

- У меня дома? - подивился Ян.

- Ага, - интенсивно кивнул парень, подтверждая догадку хозяина, - потому что он здесь.

- Угу, - принял информацию Стаховский, - бармалея, значит. А бабайку вместе с ним не ловишь?

- Не, - рассмеялся мальчуган, - бабаек не ловят, ими детей пугают. Но я не боюсь, потому что я уже большой ребенок, меня вообще никогда бабайкой не пугали. Это старая глупость.

– Понятно, – кивнул, соглашаясь, Ян, ничего не поняв из данного объяснения, – значит, бабайка – это у нас глупость не актуальная, устаревшая, а бармалей – это глупость современная. Молодая. Так, что ли?

Пацан звонко, заливисто и задорно расхохотался, откинув голову назад, отчего его накренившаяся шапка слетела окончательно, упав на пол.

– Нет, – покрутил мальчишка усердно-отрицательно головой, даже не подумав поднимать свой головной убор, – бабайка – это просто так говорят. А Бармалей – это наш кот. – И принялся объяснять, помогая себе активной жестикуляцией: – Калитка была совсем чуть-чуть открыта, и Бармалей в нее шастнул и убежал, а я побежал его догонять. Звал, звал, но он меня не слушал и бежал, бежал, улепетывал прямо по дороге. А тут ваши ворота открыты, и он в них раз – и юркнул. Я его почти схватил, – размахивая ручонками, присел он на корточки, изображая, как почти поймал кота-беглеца. – А он вырвался и в дом скакнул.

Мальчик взял шапку, типа: ну, раз уж я тут присел, то можно и шапку прихватить, поднялся с корточек и махнул рукой куда-то себе за спину.

– Там дверь тоже открыта. – И свел ладошки, помогая себе мимикой, показал, насколько была открыта дверь: – На маленькую щелочку, но Бармалей протиснулся, а я за ним.

– Тоже протиснулся? – спросил Стаховский.

– Не, – снова звонко рассмеялся пацан, – прошел, Бармалей, когда пролезал, дверь открыл.

Так. Ну теперь понятно, как ребенок проник в дом. Михаил повез Веронику в Москву, а в это время курьер доставил продукты, заказанные Стаховским. Он открыл калитку и дверь в дом с дистанционного пульта, принял заказ, а уходя, тот, по всей видимости, двери не захлопнул, а лишь прикрыл за собой.

Способ материализации ребенка в доме выяснили. Теперь бы выявить, стреножить и удалить причину этого самого появления. Не в конечном смысле «удалить», в более гуманном – всего лишь изловить котяру, вернуть хозяину и выдворить.

– Ну так позови своего Бармалея, – предложил самый логичный и простой вариант обнаружения животного Ян.

– Не-а, – покрутил головой мальчик, – он не придет. – И добавил после паузы, старательно выговаривая: – Проигнорирует.

– Непослушный? – уточнил Стаховский, начиная тихо посмеиваться.

– Свободолюбивый, – с небольшой запинкой, но достаточно твердо произнес еще одно непростое, явно специально заученное слово пацан и дополнил характеристику животного: – Мама говорит, что он слишком высокого о себе мнения, чтобы подчиняться кому-то. – И, тяжело вздохнув от безнадежности, оповестил: – Придется ловить.

– Ну, охотник из меня нынче неважный, – предупредил Ян, – разве только комара сытого прибить.

– Потому что у вас нет ног? – спросил ребенок, указав ручонкой на пустую подножку инвалидного кресла-каталки, в котором сидел хозяин дома.

– Точно. Это ты верно заметил, – подтвердил Стаховский.

– А куда они делись? – с большим интересом расспрашивал мальчик.

– Сломались, – попытался обойтись простым, коротким объяснением Ян.

– Надо было их починить, – порекомендовал ребенок, сочувственно вздохнув.

– Ты когда-нибудь ломал игрушки так, что их потом никак нельзя было выправить и починить? – спросил Ян.

– Случалось, – не очень охотно, но честно признался мальчонка. – Тогда игрушки приходилось выбрасывать.

– Вот и мои ноги сломались так, что их невозможно было починить.

– И вы их выбросили? – уставившись на мужчину расширившимися от потрясения глазешками, перепуганным шепотом спросил пацан, видимо красочно представив себе момент утилизации испорченных конечностей.

– Не то чтобы выбросил, но отрезать их пришлось, – поспешил Стаховский хоть как-то нивелировать произведенное несколько жесткими жизненными откровениями негативное впечатление на ребенка.

– Хорошо, что не выбросили, – подумав, поделился размышлениями на эту тему мальчонка, – потом, может, и починят.

– Может, и починят, – согласился Ян и быстренько сменил тему беседы: – Так. Давай по делу, Кирилл. Если ваш Бармалей на зов приходит не торопится и вообще не чешется слушать чьи бы то ни было приказы и команды, а поймать его непросто, тогда, может, стоит попробовать его приманить? – И поинтересовался: – Что он у вас любит?

– Корм для котов и консерву Шеву, – старательно вспоминая, принялся перечислять пацан, загибая пальчики, мгновенно позабыв о безнадежно сломанных и выброшенных куда-то ногах соседа, – докторскую колбаску из «хозяйства Власова», свежую говяжью печенку... – Задумался на пару мгновений и, явно вспомнив еще нечто важное из жизни кота Бармалея, обрадованно добавил пункт четвертый: – И соседскую кошку Клеопатру.

– Гурман, эстет и охочий до женского полу котяра, значит. Ну что, все знакомо, – хмыкнул Стаховский и предложил: – Что ж, за неимением соблазнительной Клеопатры и кошачьей консервы премиум-класса, прибегнем к тому, что имеем в наличии. Так что, Кирилл, двигаем в кухню, посмотрим, что у нас есть на предмет приманивания кошачьих.

– Двигаем, – с энтузиазмом согласился мальчик.

Обследовав содержимое холодильника и посоветовавшись, они пришли к единому мнению, что кусок парной телятины, которую вот только что доставил вместе с остальными продуктами курьер, позабывший закрыть за собой дверь в дом и калитку, будет прекрасным соблазнением-приманкой для кота Бармалея.

Отрезать большой шмат мяса, как предлагал щедрый мальчик Кирилл, Стаховский не согласился, резонно рассудив, что для охотничьей приманки вполне хватит и небольшого кусочка. Ну, ладно, пары-тройки небольших кусочков.

Телятину нарезали, выложили на одноразовую тарелку, нашедшуюся в хозяйстве Стаховского, категорически отказавшегося потчевать вломившегося в его дом соседского кота со своей фарфоровой посуды.

Тарелку с приманкой поставили на пол в кухне, и мальчик Кирилл приступил к зазыванию животного:

– Кис-кис-кис... – звал он, опустившись рядом с кошачьим лакомством на коленки. – Бармалейчик, иди сюда скорей, посмотри, какое тут мясо вкусное! Кис-кис-кис...

Кот появился минут через пять.

Да какой там кот! Здоровенный, килограммов на семь, не меньше, толстый, пушистый серый, с крайне наглой, высокомерной мордой, котяра не прибежал на зов и запах – не-а. Он появился из-за угла коридора, неспешно, величественно выступая, неся себя прекрасного, и к мясу бросаться не спешил, как оголодавший помоечный собрат. Неторопливо – вот ей-богу: совершенно надменно осмотрелся, принялся... лениво проделал еще несколько шагов и, так уж и быть, снизошел до предложенного мяса, предварительно старательно обнюхав угощение и только после этого ухватив один из кусков с тарелки.

– Это не Бармалей, это какое-то полное королевское хамло, – возмутился Стаховский кошачьему поведению и осведомился: – Мне одному кажется, что он нас откровенно поставил в полный игнор, или ты тоже такого мнения?

– Ага, – рассмеялся довольный Кирилл. – Мама говорит, Бармалей считает, что это мы живем у него дома, а не он у нас. А раз так, то и кормить его, заботиться и баловать мы обязаны, раз он пустил нас на свою территорию.

– Слушай, а как ты его ловить-то собирался и тащить? – заинтересовался Ян, наблюдая за котярой. – Он же здоровый как конь какой-то и, наверное, весит как ты сам.

- Не знаю, - беспечно пожал плечиками мальчишка, - уговорил бы, за шкуру потянул.

- Кстати, - вспомнил о более важном моменте Стаховский, - а твои родители знают, что ты отправился из дома на сафари и куда ты вообще пошел?

- Сафари - это охота такая, в Африке, я знаю, - похвалился пацан.

- Этот момент прояснили, - кивнул ему Ян и напомнил о своем вопросе: - Так что у нас про родителей?

- Папа далеко и не знает, что я убежал, - ответил мальчишка и вдруг, видимо сообразив что-то важное, поднялся с корточек, на которых так и сидел, наблюдая за неспешной трапезой кота Бармалея, и посмотрел на Стаховского с совершенно расстроенным видом: - Мама меня, наверное, потеряла и ищет. И расстраивается.

- Так, - отчеканил Ян. - Понятно.

И, резко наклонившись, молниеносным, неуловимо ловким движением ухватил возмущенно вякнувшего от неожиданности Бармалея за загривок и, мало обращая внимание на шипение, сопротивление и протест котяры, уложил того к себе на бедра, жестко придерживая за шиворот рукой, и распорядился:

- Идем, Кирилл, я тебя провожу.

И, нажав на рычаг управления коляской, поехал вперед, но сразу же остановился, захваченный одной актуальной мыслью:

- А как далеко вы с котом убежали? Ты помнишь, где вы живете, адрес знаешь или нам придется обшаривать окрестности в поисках вашего дома?

- Не, мы недалеко, - уверил мальчик Кирилл. - На этой улице, - и махнул непонятно в каком направлении ручонкой: - Там.

– Ну, там так там, – согласился с указанным маршрутом Стаховский, перехватил поудобней напряженного, настороженного, но примолкшего котяру, видимо напрочь шокированного столь непочтительным обращением с его величественной персоной, и повторил указание: – Поехали.

Они не заметили, как и куда исчез Кирилл.

Вот только что был здесь, на глазах – носился с восторженно твякающей Боней по всему участку, выискивая в кустах и садовых закутках прятавшегося от них Бармалея, и Марьяна все поглядывала за этими дикими скачками и гонками в окно кухни.

Она отвлеклась-то всего на пару минут, доставая из духовки запеканку, когда всегда настроенным на ребенка внутренним материнским радаром уловила, что не слышит счастливого собачьего твяканья и веселого голоса сына, слегка насторожилась. Скорее на рефлексе, диктующем каждой матери одно из основных правил: если в доме неожиданно стало тихо, значит это неспроста и происходит какая-то детская каверза, и жди любой неприятности.

Ну так, по привычке напряглась.

Накрыв запеканку кухонным полотенцем, оставив доходить и остывать, она прошла в прихожую, сунула ноги в теплые «дутики», накинула пуховик и вышла во двор. В обозримом пространстве сына не наблюдалось, только опечаленная нескладная Бонька – отпрыск согрешивших от великой собачьей любви и непокорности породистых родителей: мамы болонки и папы карликового терьера – сидела у ворот и тихо поскуливала, обиженно поглядывая на калитку.

– Бонь, ты чего? – спросила, заволновавшись, Марьяна. – Где Кирилл? – И, повернувшись к участку, громко позвала: – Кирюша!! Сынок! Кирилл!!

Хлопнув дверью, на крыльцо выскочила Елена Александровна в наброшенной наспех на плечи тонкой дубленочке и окликнула обеспокоенным голосом дочь:

– Марьян, что стряслось?

– Кирилл куда-то подевался, – развела недоуменно руками Марианна, еще не сильно-то испугавшись, так, в первичной стадии волнения. И попросила: – Мам, ты посмотри в доме, может, прячется где-то, играет, а я участок обойду.

– Хорошо, – кивнула Елена Александровна и поспешила вернуться обратно в дом.

Участок был хоть и не гигантских приусадебных размеров, гораздо скромнее, но и не шесть пресловутых соток, к тому же достаточно плотно засаженный деревьями, как фруктовыми, так и хвойными. Да и кустов ягодных хватало и закоулков всяких за отдельно стоящими хозяйскими постройками и баней, куда любят забираться мальчишки, так что было где проводить поиски. И Марьяна довольно долго провозилась, инспектируя каждый закуток и заросли растений, обойдя весь участок по периметру.

Кирилла нигде не было.

– Ну что? – встретила ее у лестницы в дом растревожившаяся окончательно и всерьез мама.

– Нет, – покрутила головой Марьяна.

– И в доме нет, мы с отцом все проверили, под каждую кровать заглянули и в шкафы, – выдохнула потрясенно Елена Александровна.

И вдруг всхлипнула, прижала ладонь к губам и посмотрела на дочь повлажневшими от мгновенно подступивших слез глазами, полными трагической безысходности.

– Неужели он его увез, Марьяша? – произнесла она перепуганным шепотом.

– Да подожди ты, мам, не паникуй раньше времени, – одернула ее дочь. – Может, с мальчишками на улице заигрался.

– С какими мальчишками, мы тут пока никого из соседей толком не знаем, и нет здесь никаких мальчишек! – окончательно распереживалась Елена Александровна и повторила: – Это точно он, Марьяш, больше некому. И вот так, по-предательски... – покачала она скорбно головой.

– Давай надеяться, что это действительно он, мам. Потому что это самый лучший вариант из всех возможных, о которых я даже думать сейчас не хочу, – резонно заметила ей дочь.

– Да, да, – взяла себя в руки женщина, торопливо смахнув не удержавшуюся-таки слезу. – Ты права. Права. По крайней мере, с ним ребенок в полной безопасности.

– Пойду на улице поищу, соседей поспрашиваю, а вы с папой подвал проверьте, мы ж его толком так и не обследовали, и чердак на всякий случай. Может, и в самом деле заигрался с кем-то, – предположила Марьяна, направляясь к калитке.

– Да отец уже на чердак полез, – отмахнулась мама и напутствовала ее с робкой надеждой в голосе: – Иди, поищи. Может, мы зря паникуем и ребенок на самом деле играет с кем-то.

– Кири-и-и-илл!! – звала Марьяна, двигаясь по улице вдоль домов. – Кирюша-а-а!!

Методом простым, но всегда безошибочно действующим – проверкой теории на практике – выяснилось, что мальчик Кирилл несколько ошибся в своих расчетах на местности, и его дом находится не совсем чтобы по соседству, а в самом конце улицы, аж через четыре участка от дома Яна. Приличного, надо сказать, дал стрекача кот Бармалей, не ожидаемого при таких габаритах и величии, с которым тот себя носил по жизни. Не то охотничий инстинкт взбрыкнул, не то задурил от чего иного котяра, пустившись в бега.

Не суть.

Стаховский ехал в коляске, все прижимая к бедрам дальновидно притихшего котяру, безошибочно определившего ту самую сильную руку, которая в случае чего и придушить может. Решил, видимо, не испытывать судьбу, рискуя проверить степень терпения стреножившего его человека.

А мальчонка, припрыгивая рядом, болтал без умолку. Уверял, что Бармалей не такой уж и вредный – честно. Заносчивый, это да, большую часть времени он

спит, когда не ест, не проявляя характера, и даже гулять не очень-то и любит. Но иногда с ним случаются истории всякие, когда внезапно что-то взбредет в его кошачью голову, как сегодня, например. Но это случается редко.

– Бабушка говорит, что это в нем зов диких предков пошаливает, – рассказывал мальчонка, – а дедушка говорит, что природа его закидонов совсем иная, что у настоящего кота всегда март. – И признался честно: – Про всегдашний март я не очень понимаю.

– Какие твои годы, – уверил, посмеиваясь, Ян и пообещал: – Поймешь обязательно.

Он слушал мальчика Кирилла, поймав себя на том, что непроизвольно улыбается всю дорогу, настолько ему нравился этот непосредственный, открытый пацан. И с удивлением отметил по ходу разговора, какой, однако, у ребенка богатый словарный запас и правильная, грамотная речь, да и слова тот знает достаточно сложные для его возраста. Кстати, а какой у него возраст? Ян что-то не спросил, а определять визуально возраст детей был не особый мастак.

– А еще у нас есть собака Боня, – продолжил повествование о любимых домашних питомцах мальчонка. – Она очень хорошая, добрая и смешная. Я ее люблю. – Подумал и добавил: – Маленькая. Беспородная. У нее родители породные, а она нет, потому что у ее родителей породы разные. Хорошие, но разные. – И вдруг спросил: – А разве так бывает?

– Что бывает? – не сразу понял, о чем тот спрашивает, Ян.

– Ну, если у папы хорошая порода и у мамы хорошая, а у ребенка вдруг почему-то плохая? – уточнил мальчик Кирилл свой вопрос.

– У людей не бывает, – подумав, ответил Стаховский, – а у животных случается.

– Как-то неправильно это случается, – не удовлетворился таким жизненным раскладом пацан. И собрался было высказать свое мнение по этому поводу, как вдруг замолчал, остановился и прислушался.

– Кири-и-и-и-илл... – донеслось оттуда, куда они направлялись.

Мужчина с мальчиком посмотрели вперед, заметив дальше по улице женскую фигуру.

– Это мама меня зовет! – крикнул ребенок, подпрыгнув на месте от радости. – Она же меня ищет!!

И рванул вперед, туда, к маме, тут же совершенно позабыв обо всем остальном: о своем Бармалее, которому взбрело что-то в голову, сподвигнув на несанкционированный побег, и о новом знакомом, в чей дом забрался задуривший котяра, и уж тем паче о несправедливом породистом разделении животных.

А и вправду, зачем обо всем этом помнить и думать, когда тебя же мама зовет!

Мальчик Кирилл, звеня переполненным радостью и счастьем голоском, стремительно неся навстречу потерявшей его маме.

– Мама, я здесь!!! Мамочка!! – кричал и смеялся одновременно ребенок.

Ян добавил скорости движения коляске, стараясь пусть не поспеть за мальчуганом, но и не сильно-то отставать, и стал невольным свидетелем сцены встречи мамы с сыном. Подбегая к ожидавшей его маме, Кирилл раскинул ручонки в стороны, а та, наклонившись, раскинула руки ему навстречу, ожидая сыночка, и подхватила с разбегу, прижала к себе, поцеловала в макушку и гладила по спинке, снова целовала и что-то говорила, говорила...

И такая эта была чистая любовь и бесконечная радость встречи, такая...

Ян смотрел на маму с сыном, позабывших обо всем мире вокруг них, сосредоточенных в этот момент только друг на друге, и чувствовал, как разрастается теплый, щемящий комок в горле, перехватывая дыхание.

Женщина подняла голову, посмотрела на него, улыбаясь удивительной, непостижимой, самой светлой из всех в мире, какие только могут быть, материнской улыбкой мадонны, и в этот момент Ян ее узнал.

Сразу. Не потратив ни мгновения на вылавливание из памяти информации: где, когда и при каких обстоятельствах мог видеть, встречать эту женщину – не понадобилось, – узнал с первого взгляда. Даже не так. Он узнал ее даже прежде, чем сама мысль-узнавание успела сформироваться в голове. И, не отдавая себе отчета, захваченный этим узнаванием, произвольно, сбросил скорость движения своего кресла, а потом и вовсе остановился, не доезжая до обнимавшихся мамы с сыном метров трех.

Стаховский смотрел на нее и переживал внезапно нахлынувшие на него странные эмоции: удивление и теплую, приятную радость от неожиданной встречи. Мимолетно отметил, что она изменилась с той их далекой встречи, не внешне, нет, а что-то неуловимое, внутреннее, внешне же женщина стала даже интересней и привлекательней – или просто ему так показалось.

Как и тогда, он не мог не восхититься грацией, и неброской красотой, и той особой поразительной изысканностью, присущей этой женщине. И от этого узнавания в нем всколыхнулось что-то такое странное... и светлое, и вполне реально мужское, и... И тут он вспомнил про статус этой дамы, про то, кто она есть и с кем идет по жизни, и про то, что, пока она красиво и гордо идет по той самой своей жизни, он сидит в коляске. Вот такая расстановка. М-м-м-да.

– Мама! – звенел восторженным голосочком Кирилл, повернул голову и посмотрел на Яна. – Мы поймали Бармалея! Он сбежал, я за ним погнался! И мы его поймали!

– То есть ты, – женщина выпустила сына из объятий, пережив первые сильные эмоции и чувства ошеломляющего облегчения и бесконечной радости, сделала полшага назад и строго посмотрела на мальчика, – никого не предупредив, убежал с участка за котом?

– Ну да, – кивнул пацан, которому явно что-то не понравилось в мамином тоне, и пояснил для надежности: – Надо же было Бармалея поймать, понимаешь, он же убежал на улицу, а он тут ни с кем не знаком. Юркнул в щелочку в калитке... – Извиваясь всем тельцем, мальчонка наглядно изобразил, как именно юркнул в щелочку взбрыкнувший дурью котяра, и закончил красочное повествование: – И убежал. А я за ним.

– Кирюша, ты же знаешь главное правило безопасности: без взрослых, одному, никогда не покидать участок? – напомнила назидательным тоном мама.

– Даже если надо было поймать Бармалея? – уточнил сынок, до которого понемногу начало доходить, что что-то он сделал не очень правильно.

– Даже тогда, – подтвердила его догадки мать. – Ты ребенок и пока не можешь самостоятельно гулять без взрослых и уж тем более убегать неизвестно куда, даже не предупредив родных. Ладно, – остановила она себя, но пообещала нерадостную перспективу сынку: – Мы обсудим это позже. – И спросила теперь уже у Яна: – И где вы его поймали?

– У меня дома, – ответил тот, приветливо улыбнувшись.

– Так, – растерялась вдруг женщина, неожиданно посмотрев на Стаховского настороженным, изучающим и немного испуганным взглядом.

И до Яна только сейчас дошло, как с точки зрения матери, потерявшей ребенка, видится и воспринимается эта дурацкая история с котом-дебилем, забегающим в чужие дома к незнакомым людям, следом за которым забегает в те дома и к тем людям маленький мальчонка, и какой трагедией и бедой могла обернуться такая беспечность ребенка.

– Все нормально, – произнес он доброжелательно, но достаточно твердым тоном человека, умеющего руководить и управлять людьми, стараясь успокоить женщину: – Мы просто поймали вашего Мурзика и поспешили вернуть его и Кирилла домой.

– Не Мурзика, – рассмеялся Кирюшка, напомнив: – Бармалея. – И принялся рассказывать маме обстоятельства дела: – Мы с этим соседским дядей поймали Бармалея. Вообще-то мы не могли его поймать, потому что от меня он прятался, а у дяди нет ног, и он не может теперь охотиться и кого-то ловить. – И разъяснил ситуацию, сделавшись серьезным: – Понимаешь, у него ноги сломались так сильно, что их нельзя было уже починить, и теперь их нет. – Он снова заулыбался довольнехонько, похвалившись их совместной с безногим дядечкой сообразительностью: – Зато мы придумали приманить Бармалея. Кошачьей еды у дяди не нашлось, и колбаски тоже, пришлось обходиться кусочками телятины. – И пояснил уж до полной и окончательной ясности: – Это

мясо такое. И этот соседский дядя его так: раз – и схватил ловко, и не отпускает, чтобы Бармалей снова не улепетнул. – И задорно, звонко рассмеялся.

– Не переживайте так, Марианна Викторовна, – улыбнулся Стаховский. – Все в порядке, вам не о чем беспокоиться.

– Мы знакомы? – подняла удивленно брови женщина.

– Когда-то давно мы были представлены друг другу и пару раз встречались на официальных мероприятиях, – ответил уклончиво-размыто Стаховский и дружески улыбнулся: – Вас трудно забыть. Ну а вы вряд ли меня вспомните. Впрочем, это неважно и не имеет значения.

Да, очевидно, что ни к чему сейчас конкретика, вряд ли она его помнит, те две встречи были мимолетны и на самом деле почти официальные. По крайней мере произошли они на протокольных мероприятиях, да и давно, тогда еще никакого сына Кирилла не было даже в проекте, если Ян правильно определил возраст ребенка.

Чуть прищурившись и слегка нахмутив лоб, женщина пристально всматривалась в его лицо, пытаясь что-то припомнить, и Стаховский увидел, уловил тот момент, когда изменилось выражение ее лица, озарившись легкой, нейтральной, но приятной улыбкой – она вспомнила! «Надо же, – необычайно подивился он про себя, – на самом деле вспомнила».

– Вы не правы, – позволила себе легкий намек укора женщина, – я вас узнала. Вы Ян, э-э... простите, отчество не припомню, – улыбнулась она приличествующей моменту, чуть извиняющейся улыбкой и повторила: – Ян Стаховский.

– Помимо всех ваших неоспоримых достоинств, у вас еще и великолепная память, Марианна, – приложив ладонь к груди, церемонно поклонился мужчина, выказывая искреннее почтение и слегка придавив при этом движением притихшего было кота, который тут же издал громкий, возмущенный мявк. – Кстати, вот ваш беглец и виновник переполоха, – съехал с темы узнаваний Ян, первый раз почувствовав пусть не симпатию, но легкую благодарность этому котяре, так удачно и вовремя напомнившему о себе. – Давайте я уж завезу его на участок, что ли, – предложил он расширенный спектр своей помощи, – чтобы снова не рванул куда-нибудь.

– Спасибо вам, – согласилась и поблагодарила одновременно женщина.

И, взяв сыночка за руку, указала приглашающим жестом вперед и пошла рядом с двинувшейся по дороге коляской Стаховского. Впрочем, далеко идти не пришлось, метров через пятьдесят они свернули к распахнутой калитке, ведущей на предпоследний по улице в этом ряду участок, на котором расположился прекрасный, современный двухэтажный с высокой мансардой дом.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила доброжелательно Марьяна, пропуская коляску с Яном вперед.

Первой встречать их метнулась прямо под колеса каталки небольшая, но очень резвая собачонка, умудрившись, не меняя траектории, ловко увернуться от колеса, и понеслась дальше, оглашая окрестности неистовым, залиvistым лаем, переполненным радостью и наивысшим собачьим счастьем.

– Кирилл!! – следом за собачкой подбежала к ним симпатичная возрастная дама. – Кирюша! – Она схватила ладошки ребенка двумя руками и наклонилась, заглянув тому в лицо. – Куда ты убежал? Господи, мы так перепугались! Так перепугались! – и, не выдержав накала эмоций, прижала рывком к себе малыша и заплакала.

– Ну, хорош, хорош, мать, – подошел к ним седой, статный мужчина лет за шестьдесят, похлопал ободряюще жену по плечу, успокаивая и поддерживая. – Нашелся же, что причитать-то теперь. – Он погладил ребенка по спинке и спросил в свою очередь, не удержался-таки: – Где ж ты был, внучок?

– Пап, мам. – Предотвращая рассказ о сбежавшем коте, который сынок со всей очевидностью уже намеревался изложить в полной версии, ради этого дела выбравшись из бабушкиных объятий и набрав побольше воздуха, Марьяна поспешила представить гостя: – Познакомьтесь, это наш сосед Ян... эм-м-м... – посмотрела она на него, ожидая подсказки.

– Валерьевич, – помог ей Стаховский.

– Да, – обрадовалась Марьяна, – Валерьевич. А это мои родители, – продолжила она ритуал представления, – Елена Александровна и Виктор Игоревич. – И обратилась к представленным: – Ян Валерьевич помог поймать вашего кота и доставил его и Кирилла домой.

– Бармалей убежал! – не выдержал Кирюха такой вопиющей задержки его доклада об обстоятельствах происшествия, сообщив громким, звонким голосом его основную интригу: – А я за ним!

И расхохотался. Наверное, от полноты жизни и детской звенящей радости такого замечательно правильного своего бытия, когда все дома, все тебя любят, всем ты так важен и нужен, что они перепугались чуть не насмерть, когда ты пропал, и плакали... а ты вот нашелся, и они опять плачут, но теперь от счастья. И кот нашелся вместе с тобой.

– Да, вот ваша пропажа. – Стаховский подхватил за шкуру котяру и протянул мужчине, не предлагая взять его женщинам – прикинул мысленно нехилый вес этой зверюги.

– Спасибо, – поблагодарил мужчина, принимая у Яна кота, который тут же, видимо привычно, разлегся вдоль его руки, свесив одну переднюю лапу, словно растекся всем своим кошачьим телом, одарив Стаховского презрительно-надменным взглядом.

– Вы, наверное, любите животных? – улыбаясь добросердечно, поинтересовалась, скорее утверждая, чем спрашивая, Елена Александровна.

– Ну как вам сказать. – Ян не стал обманывать, оправдывая ее ожидания, и честно признался: – Я большой поклонник животных, которые при виде тебя предусмотрительно удирают, а не считают, что им милостиво позволяют находиться на их территории. Кошачьи к этой категории, как вы, наверное, поняли, не относятся.

И почему-то их спонтанное собрание полным составом, не сговариваясь, дружно посмотрело на Бармалея, возлежавшего на руках привычно-автоматически почесывающего его за ухом мужчины. Котяра не мурлыкал, не щурил глаза от удовольствия, как приличествует всякому нормальному коту в таких обстоятельствах, а принимал ласку как нечто положенное, должное и само

собой разумеющееся, и на его сытой, наглой морде застыло ясно читаемое выражение: «Задолбали вы меня все до невозможности».

– Ну, тогда, наверное, вы любите собак? – выдвинула следующее, уже более осмотнительное предположение мама Марьяны, верно оценив невербальное «послание» любимого котика всех присутствующих по «конкретному адресу» и предприняв попытку как-то сгладить негативное впечатление гостя от столь явного проявления дурного характера их домашнего любимца.

После ее слов все собравшиеся вновь как по команде повернули головы, переведя вопросительные взоры на носившуюся кругами вокруг них, подпрыгивавшую на бегу, безостановочно восторженно крутившую при этом хвостом, поскуливавшую от бесконечной радости и восторга собаку Боню.

– Ну... – Стаховский проводил взглядом полупородную мелкую тьявалку.

В этот самый момент Боня, не совладавшая с силой инерции, чуть не завалившись на бок на входе в очередной вираж – как неудачливый мотогощик на мотокроссе, – чтобы избежать падения, резко вывернула голову на другой бок и принялась интенсивно, с какой-то небывалой скоростью мельтешения, перебирать лапами, и-и-и... справилась-таки с задачей, выровнялась, тьякнула, восторгаясь собственной ловкостью и резвостью, и понеслась дальше, заходя на следующий круг.

– ...Некоторых, может быть, – в повисшей тишине, разбавляемой лишь восторженным потявкиванием Бони, с большим сомнением произнес Стаховский.

Прикрыв ладонями лицо, Марьяна затряслась, заходясь беззвучным смехом от очевидного комизма ситуации, громко втянула воздух и, выставив одну ладонь вперед, извинилась:

– Простите... – Она не совладала с приступом хохота. – Это, наверное... нервное.

И когда Боня пронеслась мимо нее, заходя на очередной виток и по ходу умудрившись стукнуть хвостом по ноге, Марьяна, вновь прикрыв ладонями лицо, бессильно клонясь набок от смеха, захохотала уже в полный голос.

– М-да, – согласилась Елена Александровна, посмотрев на дочь, – точно нервное. – И неожиданно резко прикрикнула: – Боня, стой!

По всей видимости, решила, что гость должен увидеть их любимицу во всей ее собачьей привлекательности и милоте, рассмотреть и оценить столь замечательное создание со всеми ее неоспоримыми достоинствами.

Увлечаясь забегом собаченция, давно позабывшая, с чего вообще был дан старт этому бурному кроссу, твякнув с сожалением от настолько не вовремя поступившей вводной, как-то придушенно пискнула и, выставив вперед все четыре лапы, затормозила на всем своем лихом собачьем бегу, словно разгоряченный скакун, перехваченный сильной рукой наездника. Плюхнулась на задницу, уставившись вопрошающе-преданным взглядом на старшую хозяйку, типа: «Ну вот, я остановилась, ты чего хотела-то?» – и громко пукнула.

Облокотившись на ручку коляски, Стаховский, следом за Марьяной заходясь беззвучным, еле сдерживаемым смехом, прикрыл глаза ладонью и мелко затрясся.

– М-да, – словно извиняясь за собачий конфуз, произнес Виктор Игоревич и хохотнул, крутнув головой, в свою очередь поддавшись смешливому приступу.

– Так... – продолжая посмеиваться, предприняла попытку остановить неожиданный балаган Марьяна, пригласив всех: – Идемте чай пить, как раз запеканка поспела. Надо же хоть как-то отблагодарить Яна Валерьевича за поимку Бармалея и помощь Кирюше.

– Да, да! – горячо поддержала идею Елена Александровна, поторопившись сгладить небольшой конфуз и беседу о любви к животным, приведшую к не самой удачной демонстрации своих питомцев.

– Благодарю, но, к сожалению, вынужден отказаться. – Стаховский, мягко улыбаясь, кинул быстрый взгляд на ступеньки, ведущие на крыльцо дома, за спиной Елены Александровны.

– Эмм-м-м... – стушевдалась Марьяна, проследив за его взглядом и поняв, насколько неуместно было ее приглашение. – Простите, я не сообразила как-то.

– Вы меня не совсем правильно поняли, Марианна. У меня работа, которую необходимо срочно доделать, – поспешил сгладить невольно возникшую неловкость Ян и выдвинул встречное предложение: – Давайте лучше сделаем так: вы все придете ко мне на ужин. Мы ведь близкие соседи, мой дом двадцать девятый, по этой же линии. Наладим, так сказать, добрососедские связи и общение. Кстати, у меня есть одна замечательная компьютерная игра для Кирилла. – И уточнил: – Сколько ему лет?

– Шесть, – ответила Марьяна. И, замявшись на мгновение, пояснила: – Мы ограничиваем занятия Кирюши с компьютером всего лишь парой часов в день и крайне избирательны с компьютерными играми и информацией.

– Эта игра вам понравится, – заверил Стаховский. – Она основана на базе развивающих занятий и игр для детей и построена таким образом, чтобы были задействованы основные центры и те участки головного мозга, что отвечают за развитие интеллекта и способности к точным наукам. Мы разработали ее в сотрудничестве со специалистами Центра развития человека и детскими психологами и педагогами. – И повторил приглашение: – Приходите, я покажу, если вам интересно.

– Мне интересно! – тут же сунулся поближе к Яну Кирюха и посмотрел просительно на мать, повторив с нажимом: – Мне очень интересно, мамочка.

– Мне теперь тоже интересно, – улыбнулась Марьяна сыночку.

– Вот и отлично, – порадовался за них Ян. – Жду вас вечером, часов... – задумался он, прикидывая, когда закончит работу. – Скажем, часов в шесть.

– Договорились, – приняла приглашение за всех Марианна. – Мы непременно будем к шести.

– Кстати, – сказал Стаховский, – сейчас принято заранее интересоваться пищевыми привычками и пристрастиями гостей. Есть что-то, что вы не едите?

– Нет-нет, – решительно запротестовала Елена Александровна и, отодвинув дочь с дороги, выдвинулась вперед: – Не вздумайте ничего готовить, Ян Валерьевич, мы все приготовим сами, принесем с собой и накроем стол. Мы хотим и обязаны вас как-то отблагодарить.

– Да господь с вами, Елена Александровна, – подивился Ян, – это за что же?

– Да просто так, и все, – ответила энергично женщина, все же добавив немного конкретики: – За нашего Кирюшу. – И тут же переключила тему дискуссии, деловито поинтересовавшись: – А у вас какие пищевые предпочтения, Ян Валерьевич?

– Условно всеяден, особенно на дружеских застольях, – улыбнулся ее энтузиазму Стаховский.

– Вот и хорошо, – обрадовалась женщина и повторила: – Вот и хорошо.

Провожать Яна, к его немалому удивлению, соседи почему-то выдвинулись на улицу всем семейством, то есть полным его составом: вместе с Бармалеем, все так же вальяжно возлежавшим на руках Виктора Игоревича, и притихшей собакой Боней, настороженно поглядывающей на любимых хозяев, беспокоясь, видимо, вдруг кто-нибудь из них снова исчезнет непонятно куда, и беги ищи его, жди, нервничай, если не вернется.

А Елена Александровна и Кирюха даже помахали рукой вслед удалявшейся небывалой, усовершенствованной инвалидной коляске, увозившей Яна.

Сосредоточиться было сложно. Очень сложно.

Мысли норовили соскользнуть с темы, то и дело возвращаясь к воспоминаниям и размышлениям о Марианне. Кто бы мог подумать и предположить, что эту женщину возможно встретить здесь, не в самом богатом и крутом поселке, хоть и далеко не примитивном, а достаточно престижном и для людей неплохо обеспеченных. Но с тем «гетто» для богатых-властных, где находится дом-усадьба, в котором она проживала во времена их знакомства, все же и сравнивать не стоит.

Может, в гости к родителям приехала? Наверняка.

«Так, ладно», – вздыхал, резко одергивая себя, Ян и усилием воли возвращался к работе. А через какое-то время, незаметно, исподволь, цепляясь друг за друга, мысли вновь предательски перебирались к воспоминаниям об этой

необыкновенной женщине. И всплывала перед глазами та их далекая первая встреча.

Когда же это было?.. Лет шесть... нет, семь лет назад. Точно семь, тоже осень была.

Великолепный, блистательный, богатый и удачливый тридцатисемилетний топ-менеджер одной из крупнейших российских компаний Ян Валерьевич Стаховский, буквально накануне заключивший договор о сотрудничестве, исчислявшийся суммами в долларах со многими нулями, с новым крупным клиентом Константином Аркадьевичем Киртом, двигался по заполненному людьми залу.

Компания отмечала круглую годовщину, юбилей своего образования, по случаю чего давала шикарный официальный прием, на который были приглашены, помимо ведущих сотрудников, самые значимые партнеры и клиенты с женами и подругами, за неимением первых или вместо них.

Прием был воистину грандиозен и поражал размахом и неожиданными сюрпризами, например небольшими, но весьма недешевыми подарками для всех присутствовавших гостей, выступлениями эстрадных звезд первой величины, как российских, так и зарубежных, и известнейшим симфоническим оркестром мирового уровня, фонтанами шампанского, зрелищным, необыкновенным салютом и прочими, менее значительными, но потрясающими изысками.

Дамы блистали роскошными вечерними туалетами, посверкивая настоящими драгоценными украшениями, а мужчины поражали официальными фраками и великолепными костюмными тройками от известных модельеров. И мужские драгоценные аксессуары тоже не обошли стороной, бликуя в свете великолепных хрустальных люстр и светильников запонками, галстучными зажимами, кольцами, украшенными бриллиантами и драгоценными камнями нефиговой каратности.

Блеск, шик, богатство, помпезность и роскошь презентовались во всей возможной красе. Как-то так. Картинка из жизни уровня лакшери.

Стаховский продвигался по залу, с кем-то здороваясь и раскланиваясь, с кем-то останавливаясь для короткой непринужденной беседы и приветствия – сегодня ни о каких делах! Ни о каких делах! Разве что об очень, ну очень важных и лишь удалившись в специальный кабинет, предусмотрительно оборудованный для переговоров, буде таковые все же случатся. А как не случиться-то? Большинство самых крупных сделок и договоренностей происходят не в офисах, а на таких вот мероприятиях и приемах, в дружеской, непринужденной беседе между самыми «тяжелыми» и влиятельными игроками. А в офисах – это уже так, официальная рутина: оформление и закрепление договоренностей на бумагах с подписями сторон.

Так что кабинетов для privato-деловых, по большей части секретных встреч организаторы предусмотрительно устроили несколько.

Переходя от одной группы гостей к другой, Ян наконец увидел человека, которого целенаправленно искал среди толпы: Константина Аркадьевича Кирта, нового клиента, теперь уже партнера, с которым два дня назад заключил столь удачный во всех отношениях договор, и поспешил подойти. Его обязанностью на сегодняшнем приеме было, что называется, «вести»: сопровождать и представлять господина Кирта другим гостям.

Константин Аркадьевич вел непринужденную беседу в кругу троих мужчин и двух женщин, одна из которых была его женой, носившей очень редкое, где-то даже загадочное и определенно интригующее имя Марианна.

Марианна Кирт. Яркое, броское созвучие необыкновенного имени со столь же необыкновенной фамилией. Хорошо подходящее как деятелю искусства, так и жене весьма богатого мужа.

Ян Стаховский знал всю биографию этой женщины от рождения до сегодняшнего дня, пересмотрел множество видеороликов с ее участием и фотографий, сделанных в разные годы.

Разглядывая снимки и видео, он, конечно, не мог не отметить, как мужчина и как специалист по коммуникации, изысканную, утонченную грацию, не броскую и яркую, а словно проступающую изнутри красоту этой женщины. Но он не ожидал и был совершенно не готов к тому ошеломляющему воздействию, которое она произвела на него при личной встрече и знакомстве.

Великолепная точеная фигура танцовщицы, словно вылепленная мастером идеальная фарфоровая статуэтка, абсолютно ровная спина, длинная шея, переходившая не в угловатые, как у большинства балерин, а покатые женственные плечи, небольшая, высокая девичья грудь потрясающей формы, узкая талия, длинные, стройные изумительные ноги. Темно-синие бархатные глаза со смешливой искоркой, полные чуткие губы, родные-преродные, а не тюнингованно-накаченные, всегда готовые улыбнуться задорной, ироничной усмешкой, колдовской, негромкий, какой-то хрустальный смех. И редкая врожденная грация.

Женщина особой породы.

Эта ее изысканность во всем: в обманчиво простом, почти строгом платье, в подборе драгоценностей сдержанного дизайна авторской работы (пара колец, серьги и тонкий браслет на руке, инкрустированные приличными природными алмазами), в гладкой прическе с тяжелым пучком на затылке и неярком макияже, создававшем иллюзию почти полного его отсутствия, в манере непринужденно, естественно держаться, свободно говорить и быть погруженной в тему разговора, но больше заинтересованно слушать собеседника – все это поражало классом.

Безупречная элегантность.

Уровень, практически утраченный в наше время, встречающийся у редких людей, имеющих природную расположенность к внутренней красоте и изыску, интеллектуальную наполненность, обладающих врожденным безупречным вкусом и умеющих держать этот уровень неизменно высоким в любой ситуации.

И эта потрясающая женская аура, окружающая ее, не на уровне банальной сексуальной манкости, а гораздо более тонкая, глубокая, поражающая, истинно женская притягательность.

Обалдеть! Стаховский и обалдел.

Он прекрасно отдавал себе отчет, чего стоит на самом деле и каким образом достигается такой уровень и класс. Нет, не деньгами и не богатым «папиком» с его связями и возможностями – нет. Это примитив дешевый.

Столь утонченная изысканность, такой стиль и грация, спокойное, уверенное восприятие мира и себя, своего места в нем, интеллигентность и духовная наполненность достигаются только годами колоссального, часто каторжного, ежедневного труда, жесткой аскезы и самодисциплины – кропотливо шлифуются, как алмаз из достойного природного материала.

Да, природные данные важны, но лишь как основа, как кусок великолепного мрамора, из которого еще требуется сотворить статую Мадонны.

Эта женщина была тем самым алмазом и той Мадонной, которую выточила, сотворила и сделала из себя сама. Явлением.

Никогда всерьез не очаровывавшийся женщинами жестко реалистичный, уверенно циничный и ироничный для этого Стаховский был совершенно ошеломлен тем поразительным воздействием, которое она производила на него. Слушал этот тихий, приятный голос, смотрел на ее великолепные руки с длинными, тонкими чуткими пальчиками, на дрожащие уголки красивых губ, готовых в любой момент улыбнуться, ловил взгляд темно-синих бархатных глаз и понимал, что очаровывается и тонет в этой женщине.

Тонет, отлично сознавая, что это не простое и банальное горячее мужское желание и легкое увлечение – то, что он сейчас испытывал к Марианне Кирт, было совсем иной природы: выше по эстетике и эмоциям, мощнее, глубже и насыщенней всего того, что он когда-либо чувствовал и испытывал к женщинам. Тут переплелось и «выстрелило» все сразу – и уважение, которое он чувствовал к этой женщине еще до личного знакомства, только изучая ее биографию, и восхищение, и любование как неким изумительным природным явлением, и, разумеется, сексуальное жаркое влечение, как же без него, и что-то еще, сплетенное из множества разных тонких нюансов и ощущений.

Яну приходилось жестко контролировать себя, следить за каждым своим словом, взглядом и движением, чтобы держаться в допустимых светских пределах, продолжая вести непринужденную беседу, и не «залипать» взглядом и вниманием исключительно на Марианне Кирт, а общаться и с другими членами их небольшого кружка.

Честно сказать: было нелегко. Да какое там нелегко! Это было до хрена как сложно! Его мужское начало орало и возмущалось любому укороту, мешающему

немедленно двигаться вперед – очаровывать, рисоваться, демонстрируя себя с наилучших сторон, увлекать, завоевывать эту необыкновенную женщину, но...

Стаховский, пользовавшийся не просто успехом и повышенным спросом у женщин, а будучи прямо-таки суперпринцем и его белым конем в одном флаконе, вождленным призом в женских соревнованиях за мужчин, особо-то не утруждавший себя тем самым завоеванием и долгими осадами-ухаживаниями, да и не нуждавшийся в этом, никогда не сталкивался с женщинами, которых хочешь до... сильно, одним словом, до одури хочешь, на которых западаешь всерьез по самой полной программе до потрохов и сердца и которых при этом, по каким-то там причинам, нельзя заполучить.

«Нельзя заполучить понравившуюся женщину» до произошедшей сегодня встречи с Марианной Кирт в мужской жизни Яна Стаховского не существовало как понятия, как реальности и вероятно возможной жизненной ситуации. Как это нынче принято говорить – от слова «совсем». Не в том смысле: что хочу, то и беру, а в том, что дамы в отношениях с ним всегда и на все были согласны сами, заранее и авансом вперед – только посмотри с интересом...

Но Ян Стаховский никогда бы не сделал столь блестящей карьеры и не достиг бы того топового уровня, которого он достиг, если бы не умел управлять своими желаниями, эмоциями и при необходимости держать то и другое железной волей в узде.

И, кажется, ему это вполне удавалось. Он умел чувствовать настроения и эмоции людей, направлять их и сейчас четко считывал с членов их небольшой группы, что не вышел за какие-то рамки. Тем более трое других мужчин активно выказывали свое восхищение госпожой Кирт, достаточно открыто заигрывая, что, к слову, видимо, вызвало у ее мужа лишь ироничную улыбку нескрываемого самодовольства и гордости. Константину Аркадьевичу со всей очевидностью импонировало, что его жена пользуется столь повышенным интересом у мужчин и вызывает их восхищение.

В какой-то момент один из ведущих вечера объявил начало выступления танцевальных бальных пар и предложил гостям присоединиться к профессионалам на танцполе. Константин Аркадьевич протянул раскрытую ладонь жене, приглашая на танец, Марианна Викторовна неторопливым, плавным движением опустила свою ладошку в его ожидающую руку, принимая приглашение, и они двинулись между гостями, намереваясь принять участие в

танце.

Стаховский, не отрывая взгляда, наблюдал за четой Кирт, кружившейся в вальсе, и не мог не отметить, насколько прекрасно они смотрятся вместе: тонкая, гибкая, грациозная женщина и высокий, крепко сбитый мужчина легко и непринужденно кружились, идеально и точно и синхронно выполняя все па, все повороты и движения танца.

Вернувшись после танца в небольшой кружок гостей, Кирты были встречены аплодисментами и бурным выражением восхищения.

– Это было потрясающе, – присоединился к высказываниям других гостей и Ян, причем совершенно искренне. – Блистательная пара, и ваш танец был прекрасен. Вы смотрелись невероятно гармонично. Очень красиво.

– Благодарю, – принимал похвалы с явным довольством Константин Аркадьевич. – Это все жена. Марианна настояла, чтобы я научился хотя бы вальсу. Все уговаривала: у тебя, говорит, жена профессиональная танцовщица, победитель всех международных соревнований и преподаватель танцев, а ты не можешь двух движений освоить. Настояла. – Он благодарно-показательно поцеловал руку жене.

– И правильно сделала, – поддержал Стаховский госпожу Кирт в ее настойчивости. – Вы шикарно вместе вальсируете, просто классно.

– А вы, Ян Валерьевич, владеете танцем? – поинтересовалась Марьяна Валерьевна в рамках светской беседы.

– Таким искусством, как вы, нет, – признался Ян с сожалением. – Я все больше на уровне танцулек в клубах.

– Я могла бы дать вам несколько уроков, или преподаватели из моей танцевальной школы, – тем же благожелательным, светским тоном ни к чему не обязывающей беседы предложила она.

Живое воображение Яна мгновенно нарисовало красочную картинку, как Марианна Кирт учит его танцевать и двигаться в вальсе, в паре с ней...

Настолько яркую, что пришлось поспешно выкинуть эту картинку усилием воли на хрен из головы куда подальше, чтобы не оконфузиться.

- Спасибо, но пока нет, - улыбнувшись с наигранным сожалением, отказался он от предложения.

- Жаль, - улыбнулась ему в ответ Марианна, - у вас великолепные данные, уверена, вы могли бы очень быстро освоить вальс и прекрасно двигаться.

А Стаховского вдруг так шоркнул по нервам, так задел, зацепил этот ее отстраненный, чуть снисходительный, профессиональный тон, что он неожиданно спросил, несколько провокационно:

- Если я когда-нибудь научусь, вы обещаете вальсировать со мной, Марианна Викторовна? - И, вовремя вспомнив про ее мужа, присутствующего рядом, тут же смягчил свой тон, уточнив: - Оценить достижения в качестве специалиста?

- Обещаю, - легко рассмеялась своим удивительным тихим, хрустальным смехом женщина.

- Договорились! - придал интонации шуточных ноток Стаховский. - Как только у меня появится возможность, возьму уроки танца и на следующем приеме приглашу вас на тур вальса. - И грамотно перевел стрелки на Кирта, втягивая того в их беседу: - Если, конечно, Константин Аркадьевич не станет возражать.

- Если бы я возражал против всех мужчин, что танцевали с моей женой, - вздохнул показательно господин Кирт, - она бы осталась без золотых медалей, наград и своего бизнеса.

- Тогда буду ласкать себя надеждой на наш совместный танец, Марианна Викторовна, - подвел черту под темой разговора Ян.

- Ну ласкайте, - рассмеялась задорно женщина.

Стаховский вполне прилично и достойно «отстоял» сопровождение четы Кирт на том приеме. Повезло, что они ушли не под утро, как большинство гостей, а немногим позже часа ночи, при этом большую часть времени проведя на

танцполе. От их пары Ян, правду сказать, не мог отвести глаз, так его завораживала дивная пластика и грация этой необыкновенной женщины.

И, освобожденно выдохнув и расслабившись после их отъезда, он махнул коньяку, поприсутствовал еще где-то около часа и, чувствуя себя совершенно разбитым и измотанным, как морально, так и физически, уехал домой на служебной машине с водителем.

Потом он еще долго и частенько вспоминал Марианну Кирт, чему в немалой степени способствовал тот факт, что приходилось сотрудничать с ее мужем и встречаться, пусть и не раз в неделю, но достаточно регулярно. И каждый раз при встрече с Константином Аркадьевичем перед мысленным взором Яна ярко и красочно всплывал образ его жены.

Как известно, воображение – спутник созидания.

Ну, в какой-то степени можно применить это высказывание и к нему: воспоминания о Марианне Кирт придавали Стаховскому некий странный импульс, игривую, бурлящую, радостную энергию, наполнявшую его и позволявшую, как ни странно, легко, на подъеме делать гораздо больше дел, везде успевать – ну так вот будоражило. Да и фантазии будило разные и мечты...

Но действительность с его мечтами не коррелировалась никаким образом – Марианна Кирт оставалась для Стаховского лишь мечтой, эталоном женщины. Горячо желанной, но совершенно и напрочь недоступной.

Через какое-то время руководство ввело Яна в команду, готовившую новый крупный проект, с участием иностранных партнеров и государственных интересантов, и ему стало не до ярких воспоминаний и мечтаний о недостижимой, прекрасной женщине. Ему и до жизни-то своей, той, что принято именовать личной, теперь было не добраться, все поглотила работа в режиме двадцать четыре на семь.

Бесконечные перелеты, порой по два-три раза в день, в разные страны и города, переговоры, мозговые штурмы команды, километры расчетов, схем, стыковки тысячи составляющих. Сон по три-четыре часа в сутки в лучшем случае, а то и вовсе без него, не отпускающее нервное напряжение, сроки, согласования,

президентский контроль...

И все-таки они сдали проект вовремя и подписали все соглашения и контракты, закрепили договоренности на международном уровне и, наверное, победили, получив всей командой соответствующее вознаграждение и заслуженный отдых по высшему ВИП-разряду.

А через месяц подоспел юбилей одного из высших руководителей компании, и наверху было принято решение отметить эту дату и удачное завершение работы над проектом торжественным, официальным мероприятием.

Как всегда грандиозным, где-то даже с перебором помпезности и шика, но определенно запоминающимся.

Вот на этом-то приеме Стаховский встретил Марианну Кирт второй раз. Константин Аркадьевич к тому времени считался уже надежным деловым партнером компании и в сопровождении на вечеринке не нуждался, что давало Яну больше простора в действиях и возможность в любой момент покинуть тесный кружок гостей, в числе которых находилась и чета Киртов. Но отчего-то он все не спешил воспользоваться свободой, снова с головой и потрохами захваченный этой женщиной, своей тягой к ней, желанием любоваться ее невероятной грацией, изысканностью, слушать ее дивный смех и острые, ироничные, всегда уместные и точечные шутки.

– Вы освоили вальс, господин Стаховский? – спросила она, светски улыбаясь.

– Увы, нет, – повинулся Ян, разведя руками, и пошутил: – Оправдания со ссылкой на занятость важными делами принимаются?

– Безусловно, – ободрила его госпожа Кирт, – мне пришлось приложить несколько лет усилий, пытаюсь вырвать мужа у этой самой «дамы», чтобы обучить-таки танцу.

– Надеюсь, наш договор остается в силе и обещанный мне вальс вы не зажмете? – принял подачу легкой ироничной беседы Стаховский.

– Если к тому времени окончательно не состарюсь и смогу еще ходить, то да, не «зажму», – рассмеялась Марианна.

Так они перекидывались легкими ироничными фразами, немного играя в словесный пинг-понг, немного шутя, и было Яну отчего-то хорошо на душе, так как-то тепло, уютно и... и будоражаще, искристо, сексуально-напряженно, что только добавляло ярких красок этому общению.

Но их беседа была беспощадно прервана: к нему подошел его руководитель, шепнул на ухо, что надо срочно пройти в комнату для переговоров, и, извинившись перед гостями, Стаховский откланялся и покинул компанию.

И еще долго потом вспоминал удивительную женщину со странным именем Марианна, настолько сильно захватившую его мужское воображение, поразившую неординарностью личности и вызывавшую такие разные и такие сильные эмоции в нем. Завораживающую и совершенно недоступную для него. Женщину-Явление.

Больше они не виделись и не встречались до сегодняшнего дня. Да вот встретились.

И первый раз с того момента, когда Ян пришел в себя после операции и врач сообщил, что ему ампутировали ноги, он почувствовал себя неполноценным.

Вот так. Он мужчина, она женщина, вызывавшая в нем... разные сложные чувства, одно из которых было устойчивым, мощным и неизменным – сексуальное притяжение. Женщина, с которой все нельзя и невозможно. Несбыточная мечта.

И вот поди ж ты – ощутил себя калекой. Вот такая хренотень.

Как он сказал? «Помимо всех ваших неоспоримых достоинств, у вас еще великолепная память»? Кажется, так.

Никакой такой особой великолепной памятью Марианна не обладала. Разных людей, с которыми сводила судьба и приходилось общаться, на протяжении

жизни было так много, что большая их часть растворилась, нивелировалась, исчезнув со временем из ее воспоминаний навсегда.

Те две короткие встречи с Яном Стаховским были столь мимолетны, столь незначительны, что относились к разряду тех, которые как раз и следовало забывать в первую очередь в череде жизненных событий.

Но она запомнила. И встречи, и самого мужчину.

Запомнила, потому что Ян Стаховский произвел на нее странное, какое-то пронзительно-сильное, незабываемое впечатление.

Муж Марианны был ее первым и единственным мужчиной, и никогда за годы их совместной жизни она, что называется, «не смотрела на сторону». Нет, само собой, Марьяна обращала внимание на интересных представителей мужского пола и, как человек искусства, порой любовалась и могла по достоинству оценить фигуру, гибкость, грацию и яркую харизму, а как умная женщина – эрудированность и интеллект мужчины. И порой в общении с кем-то из них могла позволить себе намек на флирт, исключительно в рамках светской, легкой, ироничной беседы, чуть более игривой, чем протокольная холодность, никогда не переходящая за грань.

Но ни разу за все годы замужества она не испытала какого-то особого трепета и влечения, сильного эротического интереса к мужчине. Может, дело было в том, что все балетные люди достаточно циничны, поскольку видят оборотную сторону и неприглядную изнанку красоты своего искусства, а может, в том, что ее семейная жизнь была замечательно устроена, упорядочена, и она чувствовала себя в ней защищенно и спокойно со всех сторон.

Но этот мужчина... Ян Стаховский.

Прекрасно сложенный, с великолепной фигурой, над гармонией которой явно потрудились не только природа, но и упорные, регулярные занятия спортом, это Марьяна сразу же отметила наметанным взглядом профессионала.

Он обладал внешностью не картинного красавца, не brutального мачо и не слащавого героя-любовника; в принципе, его лицо можно было бы назвать интересным, но вполне обычным, если бы не весьма непростой, острый и цепкий,

умнейший взгляд ярко-голубых глаз, великолепная открытая улыбка, от которой на щеках у него появлялись не ямочки, а такие очень мужские вертикальные складки, сразу же делавшие это лицо открыто мужественным, притягивающим, выдавая в нем глубокую наполненность человека, способного на сильные поступки и решения.

Великолепный рассказчик и собеседник, внутренне совершенно свободный, раскованный и органичный, никаких комплексов и зажимов. Обладающий тонкой иронией, Стаховский умело контролировал течение беседы, вовлекая всех присутствующих в разговор, создавая тонкую иллюзию, будто это они такие бойкие на шутку, прекрасно ориентирующиеся в любой затронутой теме. Он виртуозно вел и направлял общение гостей уверенной рукой профессионала наивысшего уровня – легко, непринужденно, играючи.

Марианна видела и по достоинству оценила его профессионализм и излучаемую им мощную жизненную энергию, особую здоровую притягательность, присущую только мужчинам реализованным, удачливым и богатым, отмечая про себя, что при таких данных вряд ли найдется хотя бы одна женщина, способная устоять перед его сокрушительным обаянием и харизмой.

Но странное дело, она почувствовала, ощутила его особенный, обостренный интерес, направленный на нее. И хоть, без сомнения, в большей степени этот интерес носил мощную сексуальную основу, в нем не было вульгарного, примитивного животного желания, а чувствовалось нечто гораздо более глубокое и сильное. И вся ее женская сущность внезапно мощно и ярко отозвалась на этот посыл, и Марьяна испытала странную, необъяснимую тягу к этому мужчине, какое-то будоражащее влечение, притяжение.

Захватившие ее чувства были столь поразительны, столь внове для нее, что она как-то даже растерялась в первый момент. И все наблюдала за Стаховским, изучала его, стараясь контролировать себя, «держатъ лицо», слушала его красивый, с легкой эротичной хрипотцой голос и поражалась, удивлялась самой себе.

Что ее так потянуло к этому человеку? Что вызвало столь поразительные, незнакомые чувства, эмоции? Ведь встречала она мужчин гораздо более интересных, сильных и ярких личностей, но ничего подобного к ним никогда не испытывала.

Марианна достаточно быстро смогла уравновесить свои эмоции и взять под контроль чувства – бесконечные жесткие физические тренировки и репетиции, требовавшие незаурядной силы воли и характера, учат справляться с многими непростыми ситуациями. А то, что происходило с ней сейчас, и ситуацией-то невозможно назвать – просто неожиданный и странный всплеск женского влечения и интереса к незаурядному, прямо скажем, мужчине. Она и справилась.

Но образ Яна Стаховского не выходил у нее из головы всю обратную дорогу домой, пока их с мужем вез с приема выделенный хозяевами вечера шикарный лимузин. И секс в ту ночь получился необыкновенным, наполненный удивительным накалом, горячей страстностью, потому что на месте мужа она видела лицо того мужчины, и от какого-то стыда и ощущения, словно она изменяет мужу, как ни удивительно, Марьяна становилась еще более страстной и раскрепощенной.

– Вот это да! – восхитился Константин, когда смог отдышаться. – Что это было, Марьяш? Откуда столько страсти и огня?

– Завелась, танцуя с тобой, – ответила она первое, что пришло на ум. – Ты был великолепен, дорогой, прекрасно вел в каждом танце, особенно в вальсе, и возбудил меня необычайно. Ну, и полтора бокала великолепного французского сухого, я думаю, тоже сыграли свою роль.

– Может, тебе стоит почаще, чем раз в полгода, позволять себе бокал-другой вина, для таких вот страстей в койке? – предложил муж игриво, начиная следующий «заход».

– Лучше почаще со мной танцуй, – отговорила Марьяна, принимая его ласки.

А в голове проскочила предательская мыслишка: «Интересно, каково было бы танцевать с этим Яном? Вальс или танго. И не только танцевать...»

Они встретились через несколько месяцев, и тоже на приеме, который устраивала все та же компания, с которой сотрудничал ее муж и в которой работал Стаховский. И Марьяна вновь испытала странные чувства, что пережила в прошлую их встречу: непростой интерес и притяжение к этому мужчине и небывалое, поразительно волнующее, искристое возбуждение.

Но пообщаться им удалось совсем коротко, лишь успели перекинуться парой незначительных фраз, как Стаховского вызвали по какому-то делу, и он, чинно раскланявшись, поспешил за своим шефом.

Марьяна частенько вспоминала его и трепетала от этих воспоминаний, представляя перед мысленным взором Яна Стаховского, улыбающегося ей, и сердце билось быстрее от опасных размышлений о том, как могло бы у них получиться... И мнилось что-то, виделось возможное, но лишь на уровне женских горячих фантазий о несбыточном... Так, для тонуса и ощущения себя живой, сексуальной, рискованной, способной на что-то эдакое... ах, ах!

Но. Жизнь. Просто жизнь текла дальше.

Закрутила в своих житейских водоворотах, в ярких событиях, переменах, и вся эта горячая романтичность растаяла в чередности обыденности легким дымком от давно уплывшего круизного парохода, на борт которого ты так и не поднялась.

И надо же, встретиться здесь, в этом месте. Да еще вот так.

Что с ним случилось? Какая катастрофа?

Он стал другим, не в том смысле, что потерял ноги до колен, и не в том, что теперь вынужден передвигаться на инвалидной коляске. Хотя, наверное, именно в этом и дело – в нем больше не чувствовалось той мощной искрящейся сексуальности богатого, невероятно удачливого, успешного во всех сферах и делах, необычайно уверенного в себе, дерзкого и решительного мужчины, которую распространял, излучал он в прошлом.

Теперь он совсем другой. Нет, не менее сексуальный, но... эта его природная сексуальность перестала быть столь прямолинейно-шибающей и очень конкретной, став качественно другой – наполненной каким-то иным свойством, более глубокой душевной, мыслящей составляющей, что ли.

Но другой не другой – неважно, его сексуальность все так же пробивает ее желанием. Вот так. И он по-прежнему ее волнует.

Думала, вспоминала Марианна и дивилась своим реакциям и чувствам, невольно отвечая на бесконечные мамины расспросы о человеке, заполонившем все ее мысли, пока они готовили тот самый ужин, что собирались нести в гости. Волновалась в предвкушении скорой встречи и переживала, как она выстоит этот самый спонтанный прием.

Но на удивление и вопреки волнениям Марьяны, ужин прошел на подъеме в замечательной легкой, веселой и доброжелательной атмосфере. Они много смеялись, шутили, рассказывали забавные истории и анекдоты, допустимые в присутствии ребенка. Стаховский обладал блистательным ироничным складом ума и великолепным чувством юмора, очень близким юмору Марианны, к тому же владел искусством управлять беседой, вовлекая в нее всех присутствующих настолько тонко и виртуозно, что каждому казалось, будто он сегодня блистает эрудицией, красноречием и юмором. Этот его талант Марианна отметила еще в ту их первую далекую встречу, казавшуюся теперь нереальной какой-то, словно из другой жизни совсем про других людей или из позабытого кино, вызывающего немного печальную ностальгию при его просмотре.

Правда, когда они всем семейством зашли в дом к соседу, то в первые минуты чувствовали естественную скованность и неловкость момента, какие испытывает любой человек, волею случая попадая на застолье в гости к чужим людям, но непринужденность и легкость атмосферы помог создать Кирюшка, с детской прямоотой нарочито демонстрируя свои эмоции и настроения.

Когда они снимали и вешали верхнюю одежду в высокий встроенный шкаф в просторной прихожей, Кирюха показательно дулся, отмалчивался и сопел, мол, смотрите все, как я на вас обижен.

– Что это с Кириллом? – поинтересовался у Марьяны гостеприимный хозяин, не пропустивший актерства ребенка.

– Прислушал лекцию-наставление по основам безопасности жизнедеятельности, ОБЖ, – старательно сдерживая улыбку, пояснила Марьяна, так, чтобы и сынок слышал краткое повторение урока. – Разъяснили, почему опасно беззаботно убегать одному куда захочется, заходить в чужие дома и общаться с незнакомыми людьми. – И, не сдержавшись, все-таки улыбнулась. – Последний аргумент он яростно отвергает, утверждая, что дядя Ян не какой-то там чужой, а совершенно наш, практически родной. От этого и дуется.

– Мы бы к чужому в гости не пошли! – возмущившись, продолжил, видимо, прерванную перед тем, как зайти в дом, дискуссию Кирилл. – И чужой бы не приманивал Бармалея! И свой пирог бабушка бы для чужого никогда бы печь не стала! – заявил ребенок с полной убежденностью.

Посмеялись, расслабились, и как-то в таком приятном ключе и покатился вечер дальше. В паре моментов, правда, возникали неловко повисающие паузы, неизбежно возникающие, когда за столом на дружеских посиделках собираются совершенно незнакомые люди, но их снова выручал Кирюшка, с детской непосредственностью в любую заминку в беседе взрослых принимавшийся красноречиво-настойчиво напоминать о кем-то там обещанной интересной компьютерной игре.

После третьего такого напоминания Кирюшки, окончательно собравшегося разобидеться на то, что его игнорируют, Ян отозвался на призыв ребенка и предложил сделать паузу в застолье и показать, наконец, мальчику игру.

– Да! – подпрыгнул радостно пацан, не забыв попенять взрослым: – Вы тут заняты разговорами всякими, а я изждался уже весь, а это нечестно.

В кабинет Яна, располагавшийся недалеко от кухни-столовой-гостиной, отправились всей компанией. Ну заинтриговал, что там за игра такая, да и не сидеть же за столом без самого хозяина.

На удивление Марианны, Ян оказался прекрасным, терпеливым учителем, очень доходчиво и просто объяснявшим ребенку правила и условия игры. Он не пытался перехватить ход и управление, когда у малыша не получалось что-то, спокойно разъяснял, как действовать в той или иной ситуации, не пытаясь отобрать клавиатуру и показать самому.

Это было более чем странно и удивительно, поскольку в ком в ком, а уж в Стаховском вряд ли можно было заподозрить человека, умеющего обращаться с детьми настолько грамотно и терпеливо.

Он блистал, получал удовольствие от всех тех преференций, что давала жизнь человека такого уровня бизнеса, на котором находился, в достаточной степени любовался собой, сибаритствовал и был свободен от любых связей и обязательств. И уж совершенно определенно дети в этом прекрасном

пространстве его жизни были фигурами абсолютно умозрительными, где-то там, за далеким, неразличимым горизонтом.

Раньше, поправила себя мысленно Марьяна. Раньше.

У Кирюхи что-то не заладилось в игре, не получалось, как надо, он хмурился, сосредоточенно пытался и упорно повторял нужные команды, пытаясь сделать правильно.

– Подожди, Кирюш, – сунулся вперед Виктор Игоревич, отстраняя внука от клавиатуры и монитора, – дай дед попробует.

– Я сам хочу разобраться! – запротивился ребенок.

– Да ты разберешься еще, а я хочу попробовать, – настаивал дед, снимая Кирюху с кресла.

– Да? – расстроившись до засверкавших накатившими слезами обиды глазешек, возмутился Кирилл. – А потом вы скажете, что мой вечерний час за компьютером закончен, и все! И я уже не поиграю!

– Думаю, сегодня мы начнем отсчет вечернего часа игры с того момента, когда ты разберешься хоть немного и единолично сможешь играть, – приняла решение Марьяна, успокаивая сына.

– Тогда ведь надо научиться! – не сдавался мальчик.

– Давайте сделаем так... – вмешался в их легкую перепалку Стаховский и уточнил: – У вас есть айпод?

– Есть, у меня и у родителей, – подтвердила Марьяна.

– Отлично. Несите, и я загружу игру на все три гаджета, тогда никто никому не будет мешать играть, – предложил Ян.

Понятное дело, что после такого предложения мирно-тихо вернуться снова за стол не имелось никакой возможности – Кирюшка «бил копытцем», требуя прямо

вот сейчас, немедленно бежать домой за айподами, иначе все окончательно пропало, потому что пока-а-а-а они тут закончат есть-пить и беседовать, будет уже совсем поздний вечер, а он так и не разберется, не наловчится в игре, и дед вмешается, и вообще будет пора уже спать.

Пришлось Марьяне, как самой молодой и прыткой после сына, отправляться домой, а остальные, в ожидании ее, вернулись к освоению новой игры.

По той же понятной причине – Кирюха изучал приемы игры, дед азартно подсказывал и лез с дельными советами под руку, а Яну приходилось объяснять принципы игры сразу им двоим – гостям и хозяину так и не удалось закончить ужин чаем с брусничным пирогом, испеченным по фирменному рецепту Елены Александровны, упомянутому Кирюшей.

Какой уж тут чай, когда надо срочно осваивать новую игрушку!

Но Елена Александровна, как каждый трепетный к своему творчеству кулинар, допустить такого скомканного завершения вечера категорически не могла и предложила Марьяне остаться, чтобы угостить Яна пирогом, проследив, чтобы тот непременно попробовал и дал честную оценку ее кондитерскому творчеству. Быстренько увлекла мужа с внуком в прихожую одеваться-собираться и, торопливо попрощавшись с хозяином, поблагодарив за дивный, душевный вечер, поспешила за своими мужчинами, уже нетерпеливо топтавшимися на пороге и все подгонявшими ее – ну что ты там задерживаешься, пошли скорей, надо же тренироваться и играть.

– Кажется, я создал вам проблему, – посмеивался Ян, услышав, как муж с внуком встретили Елену Александровну дружным ворчанием на тему ее задержки на политес. – Подозреваю, что Виктор Игоревич, не обремененный запретом на часы за компьютером, будет азартно осваивать игру, а Кирюха обижаться, и дуться, и требовать, чтобы и ему разрешили играть сколько хочешь.

– Главное, вы не подарили барабан, а с этой проблемой мы с мамой как-нибудь справимся, – легко рассмеялась Марианна. – Не первый раз. Нам уже пришлось пережить несколько компьютерных игрушек, в том числе и «Мортал Комбат», которым одно время увлекся отец. Разумеется, Кирюша не отходил от деда, и рубились они не на шутку.

И предложила, когда они вернулись в столовую:

- Давайте я помогу вам убрать со стола.

- Нет, - отказался Ян, - вы моя гостья. К тому же у меня получится быстрее.

Да, согласилась Марьяна, с интересом наблюдая за его способом убирать со стола, определенно у него получится быстрее: поставив на ноги круглый жостовский поднос, объезжая стол по кругу на своей коляске, Ян складывал стопкой себе на ноги использованную посуду и отвозил в кухню, где сгружал на столешницу. Понадобилось всего два «заезда», и стол был полностью освобожден от прежней сервировки.

- А вот накрыть к чаю помогите, - попросил Стаховский.

- Что делать? - с готовностью спросила гостья.

- Чай я уже заварил. Расставляю посуду, а вы нарежьте пирог.

Он двигался на своей коляске невероятно сноровисто, быстро, с какой-то поразительной ловкостью, Марьяна не успела еще выложить куски пирога на блюдо, а стол уже был заново сервирован к чаю.

Ладно. Сели. Вернее, села Марианна, а Ян просто подъехал на коляске к своему привычному месту хозяина в торце стола. Она положила на десертную тарелку перед ним добрый кусок пирога, налила чая из большого фарфорового чайника - поухаживала, не испытывая никакой неловкости и смущения, приняв на себя роль распорядительницы стола по умолчанию.

- Пробуйте, - предложила, улыбнувшись, она, - и лучше, чтобы пирог вам понравился, а то мама изведется.

Стаховский отрезал и отправил в рот приличный кусок, поиграл лицом, за выражением которого внимательно следила Марьяна, изображая разные эмоции от недоумения, удивления, вопроса, затяжного «ни о чем» и заканчивая искренним восхищением.

– Очень вкусно. Просто невероятно вкусно!

– Да ну вас! – рассмеялась своим потрясающим смехом женщина, махнув на него рукой, и отдала должное его талантам: – Вы великолепно владеете мимикой лица.

– Да, это я умею, – кивнул, соглашаясь, Ян, отрезая следующий кусок.

Пили чай, ели пирог – вернее, ел по большей части Стаховский, Марианна же позволила себе лишь совсем небольшой кусочек, – говорили о чем-то незначительном, смеялись, обсуждали коронавирус, какие-то нашумевшие новости. И чай уж остыл, и Ян умял свой здоровый кусок брусничного лакомства, а они все говорили и говорили о чем-то неважном, шутили, посмеивались шуткам друг друга, и нечто незримое витало над ними, опутывая своими нитями, и было им обоим хорошо.

А за окном, в темноте, незамеченный ими, увлеченными беседой, тихо пошел первый, совсем робкий еще, осенний снег...

– Вы сильно изменились, Ян, – предсказуемо легко перешла к более серьезной теме Марианна. Не могла не перейти и продолжать обходить стороной тему его увечья.

– Думаю, это трудно не заметить, – усмехнулся Стаховский.

– Вы же понимаете, Ян, что я не о потере ног говорю, – позволила себе намек на укор Марьяна. – Хотя, думаю, произошедшие в вас перемены тесно связаны с тем, что с вами случилось.

– Вы тоже изменились, Марианна, – заметил в свою очередь Стаховский. – Все так же прекрасны и блистательны, но что-то в вас неуловимо изменилось.

– Что с вами случилось? – прямо спросила его гостя.

– Лавина, – усмехнувшись, ответил Ян и вернул ей вопрос: – А что случилось с вами, Марианна?

– Развод, – ответила она. Помолчала пару секунд и улыбнулась печально: – В некотором роде тоже лавина. – И выказала легкое удивление: – Разве вы не знали о нашем разводе?

– Я давно не работаю на компанию и не интересуюсь жизнью моих бывших клиентов и партнеров, а в массмедиа, насколько я могу припомнить, информации о вашем разводе не просочилось.

– Понятно. Да, мы сумели избежать публичности и сохранить наш развод в тайне от светской хроники. Хотя Константин и не долларовый миллиардер из первых лиц в списках Форбс, и не из передовых олигархов, чтобы вызывать столь повышенный интерес у прессы и телевидения, но человек все же достаточно влиятельный и известный в определенных кругах. Особенно после того, как стал сотрудничать с вашей бывшей компанией.

– И какова причина вашего развода? – поинтересовался Ян.

Его всерьез проняла эта новость, вот чего-чего Стаховский не мог ожидать и предположить, так это того, что Кирты когда-нибудь разведутся. Из всех тех справок и психологических портретов, подготовленных специалистами, которые он изучал перед заключением договора с Киртом, следовал один вывод – Константин Аркадьевич невероятно гордится и даже кичится, порой с некоторым перехлестом, своей женой, дорожит ею и их семьей в целом. А госпожа Кирт являет собой эталон преданной жены, великолепной хозяйки и прекрасной матери. Служба стратегического планирования, готовившая документы, просчитав все варианты, за возможность развода этой пары давала не более двадцати процентов.

И на тебе, вот такая кукуруза – развелись! Значит, выстрелили те самые двадцать процентов все же, как, блин, проржавевшее ружье на стене.

– Все канонически, – устало улыбнулась Марьяна. – Молодая красотка, «большая любовь», как глоток свежего воздуха, открывшееся второе дыхание мужской силы и бодрости, вернувшаяся молодость во все ребра разом и развод, раздел имущества из серии «Моего не замай!» и ультиматум забрать младшего ребенка.

– Охренеть, – прокомментировал Ян, оторопевший от такого расклада. Вариант с юной возлюбленной, помнится, в той аналитической справке входил все в те же

двадцать процентов. – И что, такая прямо любовь-любовь, чтобы семью рушить?

– Что вас так удивляет, Ян? Кому, как не вам, знать, что к бизнесменам столь высокого уровня, как Константин, случайные девушки подойти не могут на расстоянии всей их жизни, даже не отсвечивают вдалеке. Вы же прекрасно понимаете, девочек какого уровня и с какой целью к ним «подводят». Так что наша молодуха вполне себе умна, пригожа, глаз не отвести, фигуриста, эрудированна, языкам обучена, Камасутре, в ее лучших, изысканных проявлениях, думаю, тоже.

– М-да, – протянул Ян. – Когда произошел ваш развод?

– Чуть больше года назад.

– Все настолько плохо, что вы перебрались жить в этот поселок? – расспрашивал Стаховский.

– Нет, живем мы в Москве, а сюда приезжаем на выходные. Этот дом купили в конце лета на «отступные», так сказать. Весной, во время карантина, я смогла снять дом в коттеджном поселке по Волоколамскому шоссе, там такая великолепная природа, родителям с Кирюшкой очень хорошо было, простор, возможность гулять. А тут заговорили про возможность второй волны, я обеспокоилась, что Кирюшка и родители могут застрять в городе в квартире, и в конце лета удачно приобрела этот дом с участком. Нам здесь очень понравилось, и то, что поселок на холме стоит, а не в низине, как водится, и какой великолепный вид открывается, и что лес рядом, не рощицы хилые какие-то, а настоящий лес, и речка, пусть и мелкая, быстрая, но речка, и озерцо небольшое.

– Да, – согласился Ян, – у нас здесь хорошо. Думаю, вы не успели обследовать окрестности и узнать про все местные достопримечательности. Могу предложить себя в качестве гида-краеоведа.

– С удовольствием воспользуюсь вашим предложением.

– Да-а-а, Марианна, – признался Стаховский. – Вы меня обескуражили своей новостью. Не предполагал, что Кирт может допустить такую глупость и купиться на банальный «развод», пусть и грамотно обставленный. – И усмехнулся,

позволив себе откровенность: – Впрочем, честно признаться, нельзя сказать, что меня не радует сей факт. Вы знаете, когда я вас впервые увидел, вы произвели на меня столь ошеломляющее впечатление, что я был совершенно вами покорен и очарован. Наверное, даже влюбился.

– Знаю, – не удивилась его признанию Марьяна.

– Да? Это было настолько очевидно? – изумился Стаховский. – Мне казалось, я смог не демонстрировать открыто своих чувств и эмоций.

– Вам не о чем беспокоиться, Ян, вы великолепно владеете собой, умеете держать невозмутимый покер-фейс и виртуозно управлять ходом беседы, даже испытывая сильные чувства. Все достаточно просто: вы были мне интересны, и я пристально за вами наблюдала, поэтому и смогла заметить ваш повышенный интерес. К тому же я давно научилась улавливать пристрастное мужское внимание, направленное на меня.

Помолчали. Каждый думая о своем.

– Ладно, Ян, мне пора возвращаться домой, – закрыла эту тонкую тему Марьяна. Поднялась с места и любезно предложила: – Давайте я помогу вам вымыть посуду, что ли.

– С этим прекрасно справится моя посудомоечная машина, – отказался от помощи Стаховский. – А вы моя гостья, к тому же предмет моей давней влюбленности и восхищения. Пусть проза жизни побудет сегодня в сторонке от вас. – И объявил тоном, не предполагавшим возражения: – Я вас провожу.

Возражать она не стала.

– Смотрите, снег пошел. – Выйдя из дома, Марьяна подставила ладошку в перчатке под падающие снежинки. – Красиво.

– Да, – согласился Ян, – иногда снег – это красиво.

– Я напомнила о болезненном? – спросила, посмотрев на него, Марианна, сразу же вспомнив про трагическую для него лавину.

– Я не испытываю болезненных и неприятных эмоций, вспоминая о том, что со мной случилось, – ответил Ян откровенно. – Вы правильно заметили, Марианна, я изменился. Кстати, – добавив бодрости в голос, поинтересовался он, – всегда хотел спросить: откуда у вас такое изумительное, редкое имя?

Она легко, тихонько рассмеялась, рассылая в темноту вокруг хрусталики своего смеха, и медленно двинулась вперед. Ян поехал рядом, сразу же подстроившись под ее шаг.

– Это все дедушка, – пояснила Марьяна. Поймала еще одну снежинку ладошкой, порассматривала и, скинув, продолжила: – Папин отец, Игорь Аристархович. Дедушка был совершенно замечательный, очень простой человек из глухого села уральской глубинки, но с какой-то врожденной невероятной внутренней потребностью, тягой к прекрасному, к искусству. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, он тайком ушел из села, потому что в те времена крестьяне не могли покинуть свои колхозы, у них даже документов не было. Но все мужчины ушли на войну, остались старики, бабы и дети. Дед был самый старший в семье, кроме него еще четверо детей мал мала меньше, а тут по осени мама занемогла, и как он ни трудился и старался, а прокормить всех не мог, голодали. Вот дед и решился идти заработка искать. Оставил за старшего десятилетнего брата и ушел. Пешком добрался до областного центра, пройдя почти двести километров, уверен был, что уж там-то работу он найдет. Да и имел тайную мечту – хоть разочек сходить в театр, музыку послушать. Пришел прямо на завод, его пожурили за то, что из колхоза сбежал, но накормили, отогрели и приняли на работу подмастерьем. Война же еще шла, «все для фронта, все для победы», на заводах дети работали наравне со взрослыми. Дед практически голодал, отсылая все, что зарабатывал, и часть своего рабочего пайка родным в деревню, а его самого мастер подкармливал.

После войны поступил в ремесленное училище без отрыва от производства и каждую свободную минуту бегал в театр, слушать музыку, смотреть балет. Рассказывал, что тогда разрешали бесплатно стоять сзади последних рядов галерки. Вот он и стоял. Однажды стал победителем социалистического соревнования, и руководство завода наградило его гармошкой. С того дня жизнь деда изменилась совершенно. Выяснилось, что у мальчика врожденный абсолютный слух, он мог подобрать любую мелодию, стоило ему услышать ее хоть раз. Его называли народным дарованием, и партком завода отправил парня учиться в музыкальное училище. Училище он окончил, но дальше, в консерваторию, не мог пойти: были очень тяжелые, послевоенные времена,

голод, разруха, а ему надо было семью в селе кормить. Кстати, только благодаря ему они и выжили, причем все, никто не умер. А тут и прадедушка с фронта вернулся. Дед же играл на свадьбах и похоронах, в ресторанах, гастролировал с филармонией. Самостоятельно научился играть на пианино, на гитаре и балалайке, на аккордеоне. Необыкновенный был человек, уникальный, одаренный необычайно. Всегда позитивный, улыбчивый. Ничего не боялся, никаких трудностей, никаких дел, перемен жизни. Говорил: «Надо – сделаем» – и брался за любую задачу. Так вот в Москву и семью свою перевез, жену и двоих детей, решив, что в столице заработок побольше и жизнь посытнее. И не прогадал: пробился, устроился, квартиру получил.

Под ее рассказ они давно уж дошли-доехали до участка Марианны и остановились у калитки ворот. Она замолчала, тепло улыбаясь воспоминаниям о дорогом, любимом человеке.

– Дедушка был преданным поклонником творчества Муслима Магомаева. Когда я родилась, в загс, зарегистрировать меня, вместе с мамой отправился дедушка Игорь. Когда регистраторша спросила, как они хотят назвать ребенка, дедушка, не дав маме слова сказать, уверенно заявил: Марианна. Дама возразила, мол, такого имени нет в официально утвержденном реестре имен для девочек. Тогда дед сказал, что это прекрасное имя из песни, которую поет Магомаев, и напел, напоминая: «О, Марианна, моя Марианна, я никогда не забуду тебя...» И женщина тут же согласилась – ну, раз Магомаев, то, конечно, они запишут девочку под этим именем. А мама хохотала до слез, пока оформляли мое свидетельство о рождении, и никак не могла остановиться. Потому что дома неделю спорили все родные наперебой, как меня назвать, и даже имена на бумажках писали, в шапку складывали и тянули, и снова спорили, сошлись на Наталье. Дед Игорь участия в этих спорах и «лотерее» не принимал, лишь загадочно многозначительно хмыкал и крутил головой, веселясь. «Какая там Наталья, – смеялся вместе с мамой в загсе дед Игорь, – у девочки судьба впереди большая, красивая, Наташе не по плечу, а вот Марианне в самый раз». Вот так, – закончила она рассказ. И спросила в свою очередь: – А у вас, Ян, откуда такое редкое имя?

– Тоже дедушка расстарался, – хмыкнул Стаховский. – Но я вам расскажу об этом в следующий раз. Например, завтра. – И пригласил: – Приходите ко мне завтра, Марианна, доедим ваш замечательный пирог, да и я что-нибудь приготовлю. – И заверил: – Я неплохо готовлю, а уж в вашу честь расстараясь. Придете?

- Приду, - кивнула она.

- Замечательно, - расплылся в довольной улыбке Ян. - Давайте номерами телефонов обменяемся.

Обменялись, занесли в память своих смартфонов.

- А теперь бегите, а то холодно. Кажется, подморозило немного, замерзнете еще, - распорядился Стаховский.

Он вообще часто распорядился, отметила про себя Марьяна. Может, по старой привычке привыкшего командовать человека, занимавшего высокий пост и руководившего отделом в огромной компании, но скорее по складу характера. Такого очень мужского характера.

- Спокойной ночи, Ян, - не стала спорить она.

- Спокойной ночи, Марианна, - попрощался и Стаховский.

Разумеется, как только он двинулся назад, сразу же загуглил эту самую «Марианну», оказавшуюся песней композитора Георгия Свиридова, в исполнении Муслима Магомаева, которую и прослушал пару раз, пока доехал до дома. Ну ничего так, живенько, голос исполнителя - тут он с дедушкой Марианны был совершенно согласен - роскошен, моща и великолепиие, а уж содержание песни дело десятое.

И, вернувшись домой, целиком захваченный мыслями о своей новой соседке, прокручивая в памяти их разговор, дополняя своими выводами и размышлениями, Ян неосознанно, тихонько бубнил себе под нос: «О, Марианна, моя Марианна, я никогда, никогда не забуду тебя...» И не заметил, как навел порядок в столовой и в кухне, успев и посуду сложить в посудомойку и запустить ее, и убрать в холодильник остатки угощения.

Ладно, оно и к лучшему, не придется утром с этим возиться, а теперь самое время вернуться к делам. И, как ни удивительно, Стаховскому удалось настолько сосредоточиться и погрузиться в решение рабочих задач, что на какое-то время мысли о прекрасной женщине Марианне... нет, не покинули его, но

отодвинулись на задний план, где-то там, на периферии сознания, создавая музыкальный фон песенного мотивчика «Марианны», всерьез не тревожа, не будоража воображение...

...но лишь до того момента, когда Ян, неожиданно легко найдя решение одного программного узла, над которым бился пару дней и никак не мог расщелкать, удовлетворенный классно сделанной работой и собой, молодцом таким головастым, расслабился, потянулся, разминая застоявшиеся мышцы, и, бормоча теперь уж вслух «Марианну», отправился отдыхать.

Въехав в спальню, Ян уловил все еще витавший в комнате сладковатый запах духов Анжелики, неожиданно вызвавший в нем странное отторжение и даже какую-то неприязнь. Подивился эдакой своей неожиданной реакции – до сих пор он как-то не очень обращал внимания на ароматы парфюмерии, которой пользовалась девушка, а если и обращал, то они уж точно не вызвали в нем каких-то отталкивающих реакций.

– «Вот такая кукуруза на полях наших взрослых», – задумавшись, процитировал Стаховский запомнившуюся ему когда-то надпись на агитационном плакате времен устойчивого социализма.

Понятно дело, откуда что «прилетело»: этот сладкий запах настолько не подходил Марианне, не монтировался с ее образом, с ее личностью, что казался ему сейчас вульгарно навязчивым и дешевым, хоть и был из весьма дорогой линейки весьма известного бренда.

Да, что теперь размышлять – ясно, что Стаховский «попал» по полной, вляпавшись в эту женщину, захватившую его разум, его чувства, мысли и воображение, и ничего теперь с этим не сделаешь.

И, рывком распахнув на всю ширь створку окна, через которое дохнуло из темноты стужей, как из морозильной камеры в летнюю жару, а редкие снежинки весело впорхнули в комнату, превращаясь в капельки воды, не успев долететь до пола, Стаховский принялся сдирать белье с постели с излишней раздраженной резкостью.

Поймал себя на том моменте, что досадует, ворчит про себя недовольно, крутнул головой, усмехнувшись, успокоился и отправился в гардеробную комнату за

свежим постельным бельем.

Марианна не могла заснуть.

Крутилась с боку на бок, вздыхала тягостно, считала до ста, представляла себе размеренный прибой бирюзовой волны, где-нибудь на Канарах, заставляла себя подумать об уроках с учениками: с кем что требуется усиленно отрабатывать на следующей неделе – все без толку! Ничего не могло изгнать из ее головы образ Яна Стаховского, заполонившего собой все прочие мысли.

Того, блистательного, великолепного Стаховского из прошлого, так взбудоражившего тогда все ее женское начало, и этого, нынешнего – изменившегося, гораздо более опасного для ее личности и женской трепетной сути появившейся в нем глубиной, какой-то мощной духовной наполненностью, этим прямым сильным взглядом ярко-голубых глаз человека, преодолевшего себя и познавшего нечто мощное, недоступное.

Другого, совсем другого.

Даже его тело изменилось. И не в утерянных ногах дело, хотя, как и в случае с изменениями, произошедшими с его личностью, наверняка потеря ног явилась поводом изменения его физической формы.

Тогда, семь лет назад, Ян Стаховский обладал великолепной спортивной мужской фигурой, вот сто пудов и «кубики» наличествовали под его рубашкой и шикарным костюмом ручного пошива от известного модельера, и накачанные бицепсы с трицепсами под названием «стон красавицы», приобретенные в лучших спортклубах столицы.

Сейчас же тело этого мужчины приобрело крепость и мощь атлета – не полученные путем долгих тренировок в зале, с поеданием стероидов и соблюдением специальной диеты, для красоты и любования, мышцы, а вынужденно прокачанный жизненными обстоятельствами жилистый, как скрученная жесткая проволока, мышечный каркас торса и рук. Да и бедра, насколько могла заметить Марианна, в подвижности его тела принимали участие, не бездействовали, перекачиваясь сильными, прокачанными мышцами. Он стал крупнее, мощнее, стремительнее и точнее в движениях, в реакциях. Уж

она-то, как профессионал, видела и могла оценить все, что касалось человеческого тела, его природных данных и способностей, обретенных путем долгих, кропотливых и упорных тренировок.

Почему она о нем думает, вспоминает-перебирает их сегодняшний разговор и анализирует каждую фразу, каждое слово, каждую интонацию и выражение его лица?

Как он сказал?

«Вы произвели на меня ошеломляющее впечатление, я был совершенно вами покорен и очарован. Наверное, даже влюблен».

Кажется, так.

Каждой женщине приятны такие признания, тем более от мужчин, нравящихся им самим. А как же. Но «приятно» – это не то, что испытала Марианна, услышав его незатейливое, несколько ностальгически ироничное признание: слова и голос словно обожгли ее, выпустив на свободу чувства и эмоции, которые Марьяна никогда не позволяла себе проявлять в жизни и в отношении мужчин, отпуская себя на полную бесшабашную свободу только в танце, в остальное же время привычно держа под замком контроля.

Да честно-то говоря, и повода не случилось как-то особенно усмирять и придерживать свои эмоции – не встретился ей мужчина, который бы вызвал в Марианне столь мощные и яркие чувства. Вот только он. Ян Стаховский. Тогда, семь лет назад. И сейчас.

Ох, растревожил он ее, ох, растревожил.

И как же все это не вовремя. Как будто ей проблем мало с бывшим мужем, не оставляющим ее в покое, ведь Марианна ходит все время по тонкой грани, под нависшей, неослабевающей, не отпускающей ни на день, ни на миг угрозой его своеволия.

Вот совсем ей сейчас не до взбрыкнувшей ретивым своей женской сущности, совершенно. И что теперь со всем этим чувственным бунтом делать? Куда

девать, куда самой деваться?

«Никуда, – ответила себе мысленно Марианна и, раздосадованная собой, распорядилась: – Спи давай, Кармен ты моя взбунтовавшаяся!»

Стаховский, ожидая Марианну на обед, расстарался, как и обещал. Тщательно обдумав меню, которым собирался поразить и удивить женщину – ну а как же, у них же почти свидание, – даже сгонял с утра пораньше Михаила на машине в город, на рынок за определенными покупками.

Решил запекать гуся с яблоками и гречкой, а к нему подать овощной салат из битых огурцов, миску салатных листьев с авокадо в оливковом масле и квашенную им самим капусту. И терпкое красное вино.

Увлекся, разошелся замыслом, словно ожидал не меньше пяти-шести гостей, а не женщину, весьма аскетичную в еде, хотя вполне вероятно, что она придет не одна, а с родителями и сыном. А почему нет. Такой соседский визит.

Да это неважно, одна или с родными, – важны красота картинки, сервировка, подача, антураж и атмосфера: Ян намеревался ухаживать за этой дамой. Осторожно, мягко, но настойчиво ухаживать. Вот так решил, промаявшись ночью без сна практически до утра, пока стояло перед его мысленным образом лицо этой необыкновенной женщины, перевернувшей в нем все мужское конкретное и духовно-глубокое, и эти ее удивительные темно-синие бархатные глаза, чуткие пухлые губы с подрагивающими уголками, всегда готовые улыбнуться.

Ему не надо было напоминать себе, в каком она остается статусе даже после развода и в каком статусе и положении находится теперь он. Но не попробовать Стаховский не мог, хотя бы в виде выказывания таким вот образом своего восхищения этой женщине, даже если ничего, о чем ему мнится и мечтается-думается, не получится.

Ладно, как говорится, «фигня война, главное – маневры».

Они созвонились, договорились на определенный час, Марианна оповестила, что придет одна, поскольку оторвать деда с внуком от новой игрушки, подаренной Яном, невозможно, да и Елена Александровна присела рядом с ними, осваивая игру, и теперь они все втроем соревнуются между собой.

Ну вот и ладненько, замечательно.

Гусь томился в духовке, вино «дышало» в декантере на столе, салаты оставалось только заправить перед подачей, а стол был шикарно сервирован, правда, от совсем уж прямолинейного намека на классическое свидание Стаховский решил отказаться и свечами сервировку не дополнил.

По-простенькому пусть будет сегодня, решил Ян, оглядывая полную сервировку на две персоны. Мм-да. Ну, предположим, получилось не совсем чтобы по-простенькому, но без свечей все-таки не полный романтический набор.

И в последний момент, когда на звонок гости он уже открыл с пульта замки на калитке и входной двери в дом, Ян вдруг вспомнил, что напрочь позабыл о брусничном пироге – пусть и условно, но все же главном предлоге приглашения Марианны на обед. Встретил даму, помог ей снять пуховик, галантно придерживав за плечи.

– Проходите, прошу, – пригласил, указав рукой в направлении большой гостиной, Стаховский.

– М-м-м, – принялась Марьяна, – пахнет потрясающе. Утка?

– Ну что вы, разве я могу угощать столь изысканную гостью банальной уткой, – усмехнулся Ян. – Только боевой гусь. Вина? – предложил он. – В качестве аперитива перед обедом?

– Пока откажусь, – ответила дама.

– Тогда, может, сладкое? – предложил как вариант Стаховский. – Если придерживаться выводов последних исследований ученых-диетологов, сладкое предпочтительнее есть перед основной едой.

– Или вместо нее, – усмехнулась Марианна.

– Ну нет, я намерен поразить вас и похвастаться своими кулинарными талантами, – подхватил легкую шутливость разговора, заданную ею, Стаховский. – Но пирог мы все-таки подогреем. – Предложил гостеприимно: – Вы

пока располагайтесь, Марианна.

И двинулся в зону кухни. Но гостья «располагаться» не спешила, а последовала за хозяином.

– Давайте лучше я вам чем-нибудь помогу, Ян, – предложила она свою помощь.

– У меня все готово, – отказался хозяин.

Поставил в микроволновку блюдо с нарезанным кусками пирогом и внимательно посмотрел на гостью, вставшую достаточно близко к нему. Она выглядела немного усталой, словно прозрачная тень паутиной легла на ее лицо, совсем легонько, лишь намеком обозначив пока еще отсутствующие морщинки в уголках глаз.

– Вас что-то тревожит, Марианна? – спросил он с искренним беспокойством.

– Помимо нерешенных проблем с бывшим мужем? – усмехнувшись саркастически, задала она вопрос, не предполагающий ответа. И, посмотрев прямо ему в глаза, помолчала пару секунд и честно призналась: – Вы. Меня тревожите вы, Ян Стаховский.

Внезапным, ошеломляюще стремительным, каким-то практически неуловимым движением, опершись о край столешницы рукой, он выскочил из коляски, перенес свое тело на мраморную поверхность, неожиданно оказавшись совсем рядом с Марьяной, и, приобняв за плечи рукой, придвинул ее еще ближе к себе, перехватив и удерживая ее взгляд – близко-близко, глаза в глаза, как в темно-синие омуты, утягивающие на глубину их обоих...

И в этот затянувшийся, остановившийся для них двоих момент, балансируя на грани принятия решения: либо вперед, либо назад в безопасность, в повисшей, напряженной ожиданием, звенящей тишине вдруг громко бздинькнула микроволновка за спиной у Яна, оповещая, что закончила программу – все, пироги, собственно говоря, готовы.

Кто готов? Пироги? И он наклонился к бесконечно желанной женщине и накрыл ее губы своими губами.

Этот поцелуй... оказался волшебным! Господи, ну волшебный же!

Марианна сразу же ответила на его порыв, ухнув, пропадая с головой в этом поцелуе, под сильными, настойчивыми и нежными мужскими губами, уносясь куда-то на горячей волне отпущенных на полную свободу чувств. Схватилась за его сильную спину, обняла, чтобы не потеряться в круговороте захвативших, яростных ощущений и прижаться сильнее, ближе, пропасть в его руках...

Дышать стало нечем, и горела огнем, обжигала кожа, кружилась голова, и рвалось куда-то, торопилось, требовало тело...

Ян прервал поцелуй и уткнулся лбом в ее лоб, переводя дыхание.

– Отсутствие ног, – проговорил он хриловатым от разгоряченного желания голосом, – сильно сужает возможности реализации романтических порывов. В частности, подхватить женщину на руки и отнести в постель, пока она не пришла в себя после поцелуя. – Чуть отстранившись, заглянул ей в глаза и усмехнулся: – Но у меня есть апгрейд этой опции: я могу женщину туда отвезти.

И, так же невероятно быстро, как вскочил, он спрыгнул со столешницы на сиденье коляски, взял ладонь Марианны и легонько, без усилия, скорее обозначая, словно спрашивал, готова ли она двигаться дальше, потянул к себе. А она дала себя привлечь, усадить на бедра мужчины, сразу же попав в его объятия в новый горячий, благодарный и обещающий поцелуй, с внутренним восторгом пропадая совсем уж окончательно и бесповоротно.

Честно сказать, никто из них двоих потом не мог вспомнить, как они все-таки умудрились добраться до спальни и оказаться в постели, не размыкая рук, не отпуская друг друга из объятий, не прерывая поцелуя, да и кого это могло волновать в тот момент.

Они не шептали горячих слов, не смотрели друг на друга продленными взглядами – они целовались, целовались, целовались, безумно, безудержно, а их руки в это время жили своей отдельной жизнью, торопливо срывая одежду друг с друга, лаская, распаяя, подгоняя.

И слились, соединились в одно целое, в один мир, в один порыв и устремленность и понеслись вперед, к своей первой совместной вершине.

И поднялись, взорвались разлетающимися искрами от солнца, содрогаясь телами, проживая, как целую новую жизнь, миг великолепного совместного оргазма.

И еще долго не могли говорить и двигаться после, так и лежали, не разъединяясь, не расплетая рук, прижимаясь друг к другу, остывая, отходя от потрясения и смакуя его.

– Я мечтал о тебе, – подал первым голос Стаховский. – И еще долго, после той нашей встречи, вспоминал, думал и восхищался тобой. – Он приподнялся на локтях, нависая над ней, чтобы лучше видеть. – Ты совершенно потрясающая, уникальная, великолепная женщина. – Помолчал, любуясь ее лицом, и усмехнулся: – Дерзну высказать свое заветное желание.

– Таки отведать боевого гуся? – выдвинула предположение Марьяна.

– Нет, – многозначительно усмехнулся Стаховский. – Повторить все сначала.

– Серьезно? – подивилась женщина. – Вот прямо сейчас?

– Никогда никого так не хотел, как тебя, еще семь лет назад. – Он смотрел на нее смешливым взглядом. – И вдруг ты здесь, все так же прекрасна, великолепна, притягательна до потери разума, и теперь свободная. А я все так же тебя хочу. Так же и еще больше. Ну что я могу сказать, дорогая: не стоит дергать мужчину за либидо, оно таки может взыграть.

– О-о-о-о, – протянула Марьяна в тон ему и шевельнула бедрами, – я определенно чувствую, как оно взыграло.

– Да, – усмехнулся Стаховский, – оно у меня такое.

И, медленно опустив голову, накрыл ее губы новым поцелуем.

Из постели они умудрились выбраться где-то через час. «Боевой» гусь к тому времени дотомился до того состояния, когда мясо становится нежнейшим, само отваливаясь от костей. Салаты, правда, подувяли, особенно листовая, зато вино «надышалось» в самый раз до нужной кондиции.

Поминутно целуясь, прикасаясь друг к другу, словно не могли рук удержать, они все же сумели выставить блюда на стол, сесть за него и даже отдать должное гусю и салатам, и лишь немного, скорее символически обозначая званый обед, пригубить вина, настолько оба сейчас не нуждались ни в каком дополнительном допинге для и без того зашкаливающих эмоций, чувств, внутреннего трепета, все еще не отпустивших после двух потрясающих оргазмов ощущений.

– Помнится, ты обещал поведать о дедушке и своем имени, – предложила поговорить Марьяна, чтобы остудить немного накал, переполнявший их обоих, да и ей было на самом деле интересно узнать как можно больше о нем.

– Да, – улыбнулся понимающе и благодарно Ян, принимая «подачу» к разговору. Остыть им обоим точно не мешает хоть немного. Да и ему хотелось рассказать ей. – Про дедушку. Ян Борисович Стаховский. Его предки по отцу были выходцами из той части Белоруссии, которая когда-то принадлежала Речи Посполитой, и осели в Москве еще до всех революций, в конце девятнадцатого века. Понятное дело, что в нас польских кровей намешано, но уже в очень малой степени. Прапрадед мой, Якуб Янушевич Стаховский, перевез семью в Россию, подвергшись на родине притеснениям и вполне реальным угрозам сильно попортить жизнь и здоровье ему и его близким за свое православие, за яркую приверженность ко всему русскому и за то, что женился на русской. В общем, ничего не ново в мире этом, все те же политические мотивы движут народами.

Человеком он был образованным, окончил Варшавский университет и на новой родине пришелся в прямом смысле «ко двору»: был принят на должность одного из инженеров, сейчас бы назвали – жилконторы, а тогда это было управление инженерными коммуникациями и техническими службами дворцов, домов и имений императорской семьи, расположенных в Москве и Подмоскowie. Его сын, мой прадед, Борис Яковлевич, на самом деле Бронислав Якубович Стаховский, пошел в папеньку тягой к точным наукам и, окончив Государственный университет, быстро сделал карьеру, дослужившись до главного инженера одного из крупнейших заводов страны. Но, понятное дело, революция привнесла ярких событий и красок в биографию прадеда Бронислава. Сначала его сняли с должности, причислив к «господам», эксплуататорам рабочего народа, ну еще бы – жил он не бедно, имел собственную квартиру аж на десять комнат, не считая комнат для прислуги, с шикарной ванной комнатой и аж двумя клозетами, имел свой выезд и дачный домик в ближайшем Подмоскowie. И быть бы прадеду расстрелянным рьяными революционерами, да заступился за него рабочий заводской люд. Пришли в комиссариат целой делегацией, поорали,

поматерились, и Бориса Яковлевича не только выпустили из околотка, но и вернули на прежнюю должность на завод. В гражданских правах, правда, все же ущемили, переселив из роскошной квартиры в более скромную всего с пятью комнатами, разрешив сохранить и прислугу.

Его младший сын, мой дед, Ян Борисович, родился в двадцать шестом году. Паренек вымахал здоровенький, косая сажень в плечах, поэтому и приписал себе спокойно годков в свидетельстве о рождении и сбежал на фронт добровольцем, следом за двумя старшими братьями. Прошел всю войну, уцелел каким-то чудом. Как все фронтовики, не любил вспоминать про войну, но иногда, бывало, говорил. Однажды мы с братом придумали, что надо бы эти истории сохранить обязательно, записать на видео и диктофон, и уговорили его.

Ян крутнул головой, усмехнувшись воспоминаниям.

– Дед тогда выслушал наши доводы, подумал и поставил условие: мол, дело хорошее, действительно сохранить воспоминания о страшной той войне надо для будущего поколения, но записывать буду при полном параде. И каждый раз наводил красоту: обязательно бодрящий душ, тщательное бритье, расчесывался волосок к волоску, одеколоном душился, чистое белье, накрахмаленная рубаша и надевал парадный китель с «иконостасом» орденским. Ну и мы с братом, глядя, насколько для деда это важным делом оказалось, решили, что надо посерьезней к съемке отнестись: треногу купили, камеру помощней, чтобы картинка достойная получилась, сценарий беседы писали, вопросник. – Он помолчал, погрузившись в свои мысли и вспоминая деда, и вздохнул с легкой печалью: – М-да, молодцы мы, что придумали эти интервью, деда вон уж сколько лет нет, а его голос, его жизнь, его истории остались, сохранились. Каждый раз на День Победы садимся за стол, выводим на большой экран картинку и слушаем, и он вроде как с нами. Вот для тех интервью он вспоминал и рассказывал как уже известные нам истории, так и то, что никогда раньше не рассказывал. Мы диву давались: столько раз он был даже не на волосок от гибели, а, казалось, практически в зубах у смерти – все, конец! – и каким-то невероятным везением, чудом умудрялся выжить, выкрутиться. Конечно, вернулся домой израненный весь, битый, но живой. А оба его старших брата погибли. Ян Борисович пошел по стопам отца и деда с прадедом, стал инженером, окончил университет с красным дипломом, который по тем временам получить было большой редкостью и ой как непросто, а он вот получил. Поступил в заочную аспирантуру, а параллельно учебе был направлен на работу в экспериментальный цех засекреченного военного завода. Защитил

кандидатскую. Сделал карьеру, но, понятное дело, тоже засекреченную. Даже после его смерти и до сих пор большая часть разработок и проектов, над которыми работал дед, осталась под грифом «секретно». Грандиозный был человек. Оптимист, юморист, бодрый такой, всегда позитивный, деятельный, невероятно живой. Любил, когда собиралась большая компания близких друзей, родных за столом, был такой заводила, рассказчик великолепный, душа компании. У них с бабушкой дома, да и на даче, что ни выходные, так куча родных и друзей собирается, стол ломится, песни под гитару, танцы. Хохочут, шутят, песни поют, радуются жизни. В отпуск ездили всей семьей, так дед умудрялся и на курорте устраивать такие вот застолья. Широкой души, мощный был человек. Так что еще до моего рождения все знали, что родится мальчик, по каким-то там семейным приметам, и звали меня Яном, еще когда я у мамы в животе был.

– Я так люблю такие вот семейные истории, саги, – тепло улыбнулась захваченная его рассказом Марианна. – А про предков по маминой линии ты что-нибудь знаешь?

– Знаю. Нам с сестрой и братом повезло, наши предки по отцовской и маминой линиям оказались людьми дальновидными, чтящими историю своих семей-родов, сохраняющими записи, документы и свидетельства о своих корнях. Так что нам и про польско-белорусские корни многое известно, и про мамину родню, наверное, до того самого седьмого колена тоже.

– Определенно повезло, – согласилась Марианна. – Сейчас это большая редкость, когда люди знают о своих предках хотя бы чуть дальше бабушек и дедушек. А это необычайно важно. А у нас в семье, увы, мало что сохранилось о корнях – революции, войны, эвакуации. Очень многие погибли, кое-что знаем до моих прабабушек и прадедушек, и то не обо всех.

– Можно попробовать восстановить историю семьи. Есть сайты и специалисты, занимающиеся работой с архивами и сбором информации о семьях, о предках. Если интересно, могу найти для тебя таких.

– Конечно, интересно – загорелась идеей Марьяна. – Буду очень благодарна за помощь. – И поделилась недоумением: – Как я сама не сообразила-то, что можно двигаться в этом направлении?

– Все мы забываем о вопросах и делах, которые кажутся нам не самыми насущными в жизненной суете, тем, что можно отложить на потом, когда будешь посвободней, когда решатся сиюминутные проблемы. И благополучно забываем о них. А потом оказывается, что они-то, те самые, отложенные, и были самыми важными. Я вот, например, – хитро улыбнулся Ян, – давно хотел тебя спросить: каково это в пять лет определиться с профессией? Вот так взять и понять, считай, во младенчестве, что хочешь стать балериной? И каково это – уйти потом от мечты, от того, к чему готовилась большую часть жизни, уйти из большого балета в танцы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/val-s-do-vostrebovaniya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)